

Владыки
капиталистического
мира

**ИМПЕРИЯ
«ТРЕХ
БРИЛЛИАНТОВ»**

Ю. БАНДУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1976

Бандура Ю. Н.

Б23 Империя «трех бриллиантов». М., Политиздат, 1976.

63 с. (Владыки капиталист. мира).

Памфлет, написанный журналистом-международником, много лет проработавшим в Японии, в острой публицистической форме раскрывает хищническую природу крупнейшего монополистического объединения современной Японии — группы «Мицубиси». Эта группа занимает важные позиции во всех без исключения сферах японской экономики, начиная от банковского и страхового дела и кончая атомной энергетикой. Она является ведущей силой японского военно-промышленного комплекса. Империя «трех бриллиантов» по своим масштабам стоит в одном ряду с такими гигантами капиталистического мира, как группы Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов и др.

Брошюра рассчитана на самые широкие круги читателей.

Б $\frac{11105-051}{079(02)-76}$ 203—75

33И

© ПОЛИТИЗДАТ, 1976 г.

Сто лет назад — весной 1873 года — в ведомстве коммерческой геральдики Японии был зарегистрирован новый герб: три ромба, символизирующие бриллианты, сходятся вершинами в одной точке. Три по-японски будет «мицу», бриллиант — «биси». Так в историю страны вошло новое слово: «Мицубиси»...

«Служение государству»

Бежит, стремительно мчится вперед время. Какой математик, какая электронно-вычислительная машина рассчитают скорость истории? Меняются времена, меняются ситуации, меняются люди... Но что бы ни происходило, как бы ни отличался сегодняшний день от вчерашнего и как бы ни контрастировала современность с прошлым, империя «трех бриллиантов» с упорством смертника — камикадзе — исповедует одну и ту же веру: «сёки хоко».

Эти слова принадлежат самому Кояте Ивасаки — племяннику основателя «Мицубиси» Ятаро Ивасаки. Его кисти принадлежат и выражающие их четыре иероглифа, начертанные тушью на шелковом полотне. Рукописный свиток этот всего в пять строк, включая заглавие «Программа», и по сей день числится святыней группы «Мицубиси». И не случайно: за те без малого полвека, что Коята правил концерном, он делами доказал весомость своих слов.

Итак, «сёки хоко». Штатный специалист по рекламе из торговой компании «Мицубиси сёдзи» так разъясняет лозунг из четырех иероглифов: «Содействовать развитию общественного благосостояния через деловые операции компании». Звучит длинновато, но красиво. И совершенно искажает смысл, вложенный хозяином концерна «Мицубиси» в лозунг пять с половиной десятилетий назад.

Сам Коята толковал смысл программного положения куда проще: «Служить государству!» А чтобы у подчиненных не возникало на сей счет никаких сомнений, он дополнил тезис более пространным объяснением: «В наших делах ни в коем случае не следует забывать, что по-

мимо целей материального свойства у нас есть одна великая духовная цель. Мы занимаемся производством на базе предпринимательского капитала. Но судьбы промышленной деятельности в большой степени связаны с судьбами государства. И поскольку государством возложена на нас важнейшая обязанность осуществлять производительную деятельность, конечная цель предпринимательства должна заключаться для нас в служении государству, и нашим идеалом должна быть отдача всех сил на достижение этой цели».

Справедливости ради следует отметить, что Коята не сам придумал термин «сёки хоко». Он извлек заповедь из канонов замшелого средневековья, когда слова эти гнали самурая под боевые знамена его князя, крестьянина заставляли выгребать для своего феодала последнее зерно риса, а купчину вынуждали со вздохами и причитаниями вскрывать тайник с деньгами и тащить их туда же, в княжеский замок. Страшные это были слова! За отказ от «сёки хоко» самураев заставляли прибегать к единственному виду искупления — харакири, купцов лишали всего их состояния и прав на торговлю, а у крестьян просто отнимали жизнь любым из многих известных уже в те времена способов.

К такому-то жертвенному «служению» и призывал Коята своих вассалов — директоров, заведующих, рядовых клерков, а главное — рабочих. И железной рукой заставлял всех их повиноваться.

В те годы, когда та же самая рука выводила на шелке программу «Мицубиси», Япония все еще перегрызала пуповину, связывавшую ее с эпохой феодализма. Перегрызала под стоны обездоленных крестьян, под натужный хрип задавленных безжалостной эксплуатацией рабочих, под слезы и кровь «инородцев» — китайцев и корейцев.

С тех пор прошло полвека. Но «сёки хоко» по-прежнему остается символом веры «Мицубиси». «Этот идеал предпринимательства, — заявляет нынешний лидер концерна Ватару Тадзицу, — применим и к новой эпохе, какие бы изменения ни происходили в обществе. Вступая во второй век существования «Мицубиси», мы должны подходить к провозглашенному Коятой Ивасаки принципу с широких позиций и неуклонно идти к целям, выработанным на его базе».

Что это? Демагогия неопытного политикана? Всплеск красноречия «пикейного жилета»? Или просто суесловие бездельника? Ни то, ни другое, ни третье. За разглагольствованиями о «служении государству» не скрывается ничего, кроме железобетонной уверенности: все, что хорошо для государства, — хорошо и для «Мицубиси». Потому что государство — это они и есть, хозяйева империи «трех бриллиантов», семья Ивасаки и ее ближайšie верноподданные.

Принимая на вооружение лозунг «сёки хоко», Коята не напрягал воображения. Ему достаточно было лишь вспомнить, что именно со «служения государству» начал свою карьеру основатель концерна Ятаро Ивасаки.

Карьера «морского чудища»

Не один год провел самурайский сын Ятаро на службе у князей Яманоути, властителей влиятельного княжества Тоса на острове Сикоку. Оставался он их вассалом и в октябре 1870 года, когда в Осаке появилась судоходная компания «Цукумо сёкай».

Когда сто лет спустя, в октябре 1970 года, империя «трех бриллиантов» торжественно праздновала свой юбилей, именно это событие и принималось за отправную точку для отсчета летосчисления «эры Мицубиси»: компания «Цукумо сёкай» была первым предприятием, которое принадлежало Ятаро Ивасаки, и только ему. Но и по сей день мало кто знает, что основание судоходной компании было лишь одной из финансовых афер, провернутых Ивасаки при поддержке приближенных семьи Яманоути Сёдзиро Гото и Тайсукэ Итагаки в интересах своих принципалов, хозяев княжества Тоса.

Молодое правительство Мэйдзи, пришедшее в 1868 году к власти в результате свержения диктатуры феодального рода Токугава, было заинтересовано в скорейшем развитии капитализма в Японии. И чтобы развязать руки «частной инициативе», лишило князей монопольных прав на предпринимательство. Но князья — тоже люди. Чтобы и впредь не испытывать нужды, содержать челядь и сохранять влияние, им нужны были деньги. Вот и решили Яманоути, по совету своих ставленников Гото и Итагаки, кстати сказать, за заслуги в борьбе

с токугавским правлением введенных в молодое правительство, в обход правительственного же указа создать фиктивную компанию под руководством Ивасаки.

«Цукумо сёкай» просуществовала недолго. В июле 1871 года был опубликован императорский указ о полной ликвидации княжеств. Пришлось распустить и «Цукумо сёкай». А Ятаро Ивасаки из «самостоятельного предпринимателя» превратился в частное лицо без места, без профессии, а главное — без денег.

Однако беды в этом не было. Попробуйте вообразить себе японское государство того времени без Гото и Итагаки! Ничего не получится: эти имена по несколько раз кряду встречаются на каждой странице любого исторического труда, посвященного Японии периода последней трети прошлого века. Сподвижники по «служению князьям Яманоути» не оставили Ивасаки в беде. Ему было предложено от «служения князьям» перейти на «служение государству» в каком-нибудь ответственном правительственном учреждении. Но «служение государству» Ятаро понимал по-своему. Он готов был служить государству лишь в том случае, если государство служило ему. И от карьеры чиновника отказался. Возможности претворить в жизнь идеал «сёки хоко» виделась ему лишь на поприще бизнеса. С одобрения тех же Гото и Итагаки он пустился в плаванье по бурным волнам частного бизнеса.

«А на какие же средства?» — вправе спросить читатель. Но в том-то и дело, что денег Ивасаки на обзаведение не требовалось, коль скоро под руками у него было государство в лице членов правительства Гото и Итагаки.

Над финансовой стороной бизнеса друзья размышляли недолго. Они направили для ликвидации княжества Тоса своего человека, некоего Юдзо Хаяси. А тот распорядился: «Продать Ятаро Ивасаки два парохода, принадлежавшие ранее князьям Яманоути». Сказано — сделано. И Ятаро оказался обладателем двух новеньких пароходов. Но хотя сделка была оформлена в виде договора о купле-продаже, суда не стоили Ивасаки ни одной иены. Да, ни одной. Он получил их бесплатно, всего лишь за обещание в будущем заплатить долги Яманоути, размеры которых были в 3 раза меньше стоимости судов. А чтобы размышления о предстоящей в неопределенном

будущем расплате не слишком отвлекали новоявленного судовладельца от бизнеса, ему одновременно было предоставлено монопольное право на порубку камфорных лесов в том же бывшем княжестве Тоса, на месте которого возникла префектура Коти.

Так начал Ятаро Ивасаки свое «служение государству». Произошло это в январе 1872 года, когда для управления судами Ятаро основал компанию «Мицукава сёкай». А в марте следующего года она была переименована в торговое товарищество «Три бриллианта» («Мицубиси сёкай»). Ивасаки взялся за дело.

Но вскоре выяснилось, что свои люди в правительстве были не только у Ятаро. Сомнения в этом исчезли, когда в августе 1872 года правительство за бесценок — в кредит на полтора десятка лет без всяких процентов — продало крупнейшим купеческим домам Японии — Мицуи, Коноикэ, Симада и Оно — все суда, реквизированные правительством у свергнутого не так давно правительства Токугавы. Для управления судами купцы сколотили компанию «Ниппон-коку юбин дзёкисэн» и с помощью государственных субсидий начали вытеснять мелких судовладельцев с самых прибыльных трасс.

Ивасаки с его двумя пароходами, хотя бы и совсем новыми, не мог бы выдержать конкуренции с новоявленным гигантом торгового судоходства, пользовавшимся безоговорочной поддержкой правительства. Перед Ятаро начала вырисовываться реальная перспектива разделить участь десятков других разоренных конкуренцией судовладельцев. И он снова делает ставку на «служение государству». На сей раз государство являет ему свой светлый лик в образе всесильного Тосимити Окубо, этого «японского Бисмарка», и Сигэнобу Окумы, в то время занимавшего пост министра финансов. И на то были свои причины.

В январе 1874 года в Японии разразился правительственный кризис. В результате внутренних разногласий по вопросу, идти войной на Корею сейчас же или подождать до лучших времен, часть министров демонстративно вышла из состава правительства. Среди них оказались и старые приятели Ивасаки — Сёдзиро Гото и Тайсукэ Итагаки. Хозяин «трех бриллиантов», таким образом, лишился своего «государства». Но ненадолго. Когда один из единомышленников Гото и Итагаки попытался под-

нять восстание против правительства, Ятаро тут же предложил государству свои услуги, и правительство согласилось использовать суда «Мицубиси сёкай» для перевозки регулярных войск, брошенных на подавление мятежа.

За это «служение государству» Ивасаки лишился расположения тех, кто всего два года назад помог ему скотлотить состояние. Но что значила для него ненависть опальных, если за нее он приобрел признательность власть имущих? А расположение Окубо и Окумы было вещью очень ценной. Тогда же, в 1874 году, Окубо, ставший лидером правительства, предпринял военный поход на Тайвань. По его указанию все операции по морским перевозкам солдат, амуниции и продовольствия на монопольных началах были сданы на откуп Ивасаки.

Возможно, читатель удивится: «То есть как? На двухто судах обслуживать целую военную операцию?» Ну конечно же не на двух. Государство, благодарное Ивасаки за его неизменную готовность к услугам, щедро вознаградило своего подданного: ему были безвозмездно (!) переданы 13 грузовых судов, купленных правительством за границей за полтора миллиона долларов для осуществления военной экспедиции на Тайвань.

За свою «службу государству» Ивасаки был вознагражден Окубо и Окумой столь щедро, что превратился в крупнейшего судовладельца Японии и мог бы успешно конкурировать со своим противником — «Ниппон-коку юбин дзёкисэн». Мог бы, но в том не было нужды: отдав свои симпатии Ивасаки, Окубо лишил правительственной поддержки его врагов и одновременно потребовал от них вернуть государственные субсидии. Трудно сказать, вынес бы конкурент «Мицубиси» два таких удара или нет, но уж третьего он перенести не смог. Удар был смертельным: по предложению того же Окубо правительство разработало программу развития торгового флота Японии. Слово «Япония» в этой программе уже никого не обманывало: речь шла лишь о «Мицубиси».

Правительство не только оставило за Ивасаки суда, использованные им в тайваньской операции, но и приняло решение предоставлять ему на «служение государству через развитие морского судоходства» ежегодные безвозмездные субсидии в 250 тысяч иен. И наконец, было принято и без промедлений выполнено следующее решение:

выкупить за государственные средства суда, принадлежащие компании «Ниппон-коку юбин дзёкисэн», и опять-таки безвозмездно передать их Ивасаки. В результате во всей Японии не осталось ни одного крупного современного судна, над которым не вился бы вымпел, украшенный «тремя бриллиантами». А сам Ивасаки Ятаро всего за три года «служения государству» превратился в единоличного хозяина торговых путей Японии. Тогда-то и наградили его в народе нелестным прозвищем «морское чудище».

А вскоре Ивасаки снова «на службе у государства»: Окубо мобилизует флот «Мицубиси» для переброски правительственных войск на подавление мятежа, поднятого бывшими самураями на юге Кюсю. Мятеж потопили в крови. Обе стороны потеряли в боях 14 тысяч человек. А правительство — еще и более 40 миллионов иен, израсходованных на умиротворение самурайского духа и, разумеется, на оплату «служения государству», на котором специализировался Ивасаки. По приблизительным подсчетам японских историков, Ятаро получил без малого треть всех тех денег, что пошли на финансирование борьбы с мятежниками.

Первые проблемы

Победа дорого обошлась Окубо. Ранним майским утром 1878 года «японский Бисмарк» ехал в своей карете по пустынным улицам Токио к императорскому дворцу. Неожиданно утреннюю тишину огласили дикие вопли, и, словно догоняя их, из-за невысокого домишки с плотно прикрытыми ставнями навстречу карете рванулась группа людей. Ошалело горланя и исступленно размахивая короткими самурайскими клинками, они окружили остановившуюся карету... И через пару минут вновь стало тихо. Нападавшие исчезли, а на мостовой под затянутым тяжелыми тучами небом остался труп Окубо с рассеченным черепом. Так самурайство отомстило за подавление мятежа, за лишение служилого дворянства Японии его величия и средств к существованию.

Вскоре, оставшийся без могущественного союзника, был изгнан из правительства Окума. Ивасаки вновь лишился «своего государства». Для империи «трех бриллиантов» начались трудные годы.

Для начала государство, ставшее вдруг «чужим», лишило Ивасаки финансовой поддержки. А вскоре за тем последовал удар куда более болезненный: если до недавнего времени правительство делало все, чтобы превратить Ивасаки в судоходного монополиста, то теперь оно резко изменило курс и решило создать «морскому королю» мощного конкурента. Конкурент этот явил свой грубый лик в декабре 1882 года, когда, словно гигантский джин из малюсенького пузырька, возникла вдруг крупная судоходная компания «Кёдо унью».

Своеобразная это была компания. Почти половину всего капитала ее внесло правительство, возглавляли компанию контр-адмирал Ито и капитан первого ранга Тотакэ. А за спиной новоявленного соперника «Мицубиси» стояли богатейшая семья Японии Мицуи и ее союзник — начинавший набирать силу и сколачивать собственную промышленно-финансовую «империю» Сибусава.

Основоположники «Кёдо унью» не случайно поставили во главе компании офицеров военно-морского флота: в задачи новой фирмы входило уничтожение судоходной монополии «Мицубиси» и передача ее в руки Мицуи и иже с ними. Иными словами, предстояла битва, в которой противники только что не палили друг в друга из пушек.

Ятаро Ивасаки не оставалось ничего иного, как принять вызов. И битва разгорелась. Первым делом враги, как и положено дуэлянтам от бизнеса, обрушили друг на друга удары экономические. К вящей радости дельцов, в драке участия не принимавших, цены на проезд и перевозку товаров морскими путями резко пошли вниз. За короткий период они на линии Токио — Кобэ упали с пяти с половиной иен за тонну до одной четверти иены. Затем в ход были пущены орудия политические. Ивасаки бросил в бой партию конституционных реформ, созданную для поддержки изгнанного из правительства Окумы в его борьбе за восстановление в правах. Для усиления позиций Окумы был оторван от кутежей в токийских чайных домиках и брошен в горнило политической борьбы Сёдзиро Гото, тот самый Гото, что полтора десятилетия назад помог Ивасаки заложить фундамент будущей империи «трех бриллиантов».

Но не дремали и враги «Мицубиси». Они перетянули на свою сторону либеральную партию во главе с другим

бывшим сподвижником Кояты — Итагаки. И нередко в иокогамском порту можно было видеть толпы, с затаенным дыханием вслушивавшиеся в пламенную речь очередного оратора из либералов:

— Взгляните! Взгляните туда, на причалы Каяба! Взгляните на эти кирпичные коробки — склады «Мицубиси»! Чем окрашены их кирпичи, отливающие красным цветом в лучах заходящего солнца? Они окрашены нашей народной кровью! На этих стенах капли вашей крови!

Не нужно обольщаться: тех, чьей кровью действительно были оплачены капиталы «Мицубиси», на таких сходках не бывало. Толпа состояла из лавочников и приказчиков, из студентов и самураев. Но пламенные слова будоражили, взвинчивали нервы, и немало потных ладоней судорожно сжимало рукояти клинков, торчавших за поясами у многих из слушателей. А ораторы, отговорив положенное, исчезали... И отнюдь не всегда возвращались они в штаб-квартиру либеральной партии.

Один из наиболее ярких активистов из числа либералов, некий Ютаро Утида, прямо с митинга шел в контору «Мицубиси», где получал плотные пачки ассигнаций. Нет, не за усердие в поношении Ивасаки, не за пыл, с каким звал он слушателей на борьбу с «морским чудищем». И вообще не «за», а «на». На скупку акций «Кёдо унью», которые потихоньку начал собирать Ивасаки, дабы овладеть вражеской крепостью изнутри. Он рассудил правильно: Утида — активный функционер либеральной партии, и его сподвижники по политической борьбе будут лишь приветствовать финансовую — через покупку акций — поддержку компании, ставшей на путь борьбы с «Мицубиси». А когда акций конкурента наберется достаточно для решительных действий — их можно будет предъявить директорату «Кёдо унью» и потребовать от него прекращения конкурентной борьбы с «Мицубиси».

На всякий случай Ивасаки предпринял и еще один шаг: пустил слух, будто, истощив силы в борьбе с противником, он собирается вывести все свои суда на середину залива Синагава и там... сжечь их.

Роль этой затеи была куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. В то время в Японии вновь поднимали головы сторонники вооруженного захвата Кореи. Были они и в правительстве. Но, судя по опыту про-

шлых лет, проведение крупных заморских походов без судов «Мицубиси» было просто невозможным. Угроза Ивасаки, подкреплявшаяся слухами о сумасшествии хозяина империи «трех бриллиантов» и о его попытках покончить счеты с бурной жизнью самоубийством, показалась воинственным министрам вполне реальной.

В правительстве наметился раскол в вопросе о политике по отношению к «Мицубиси». Раскол был подстегнут взяткой в 400 тысяч иен, переданной «заинтересованным» членам правительства через министра сельского хозяйства и торговли Сайго. Подачка была принята тем более охотно, что исход конкуренции между «Мицубиси» и «Кёдо» оставался таким же неопределенным, как и в начале борьбы. И правительство решило пойти на мировую. В январе 1885 года в министерстве сельского хозяйства и торговли было подписано соглашение о перемирии. Схватка двух капиталов, равной по накалу и размаху которой история японского капитализма не знает до сих пор, закончилась.

С нею кончился и первый этап становления империи «трех бриллиантов»: уже в следующем месяце Япония узнала о смерти «морского чудища» Ятаро Ивасаки. Его детище — судоходная империя «Мицубиси» — ненадолго пережило своего основателя: через семь месяцев — в сентябре 1885 года — перемирие между двумя судоходными компаниями завершилось полной ликвидацией противников. Обе компании по рекомендации правительства были слиты в одну — «Ниппон юсэн». В новоявленной морской монополии семья Ивасаки имела весьма прочные позиции: контрольный пакет акций, второй по величине после пакета, принадлежавшего государству, и ряд руководящих постов в правлении компании. Но она была уже не единоличной владычицей компании, а лишь одним из крупнейших ее совладельцев.

Было бы святотатством по отношению к памяти Ятаро Ивасаки полагать, будто он не оставил наследникам империи «Мицубиси» ничего, кроме пачек акций «Ниппон юсэн». Описание батальных сцен на море оттеснило на второй план прочие сферы предпринимательской деятельности Ивасаки. А он между тем уделял им немало внимания. Как совершенно справедливо утверждает один из наших поэтов-песенников, «земля надежнее, чем море». Эту истину основатель империи «трех бриллиантов»

усвоил вскоре после того, как судоходство стало для него не только важнейшим источником прибылей, но и основным источником неприятностей. И потому вопроса «так почему же вы туда?», то есть в море, к нему обращаться не приходится. К концу своей жизни Ятаро имел под контролем не только суда, но шахты и рудники, железные дороги и судоверфи, кредитные и внешнеторговые предприятия. Они-то и стали фундаментом «империи» Ивасаки, строительством которой вплоть до 1945 года поочередно занимались брат Ятаро — Яносукэ, сын Ятаро — Хисая и сын Яносукэ — Коята.

К концу второй мировой войны «Мицубиси» по масштабам своего владычества уступала лишь крупнейшей финансовой группе Японии «Мицуи». Империя «трех бриллиантов» контролировала к тому времени 6 процентов всего капитала японских компаний. Особенно сильны были ее позиции в тяжелой промышленности: влияние капиталов семьи Ивасаки распространялось на 16 процентов японского машиностроения, 13 процентов добывающей промышленности, 5 процентов химической. Ей принадлежало также около 9 процентов капитала всех банков и страховых компаний Японии, 4 процента капитала текстильных корпораций. Кроме того, «Мицубиси» была совладельцем крупнейшей судоходной компании страны «Ниппон юсэн» и одним из ведущих пайщиков стального треста «Ниппон сэйтэцу», господствовавшего в черной металлургии Японии.

Но едва ли не самое ценное, что осталось после Ятаро,— это «государство». Точнее, те государственные деятели, коих смогли привлечь в союзники капиталы «Мицубиси».

Уже после смерти Ятаро его старый сподвижник, Сёдзиро Гото, на протяжении пяти лет кряду занимал посты министра связи и министра сельского хозяйства и торговли.

В 1891—1892 и в 1896—1897 годах во главе правительства становится Масаёси Мацуката, закрепивший связи с семьей Ивасаки женитьбой сына Сёсаку на племяннице Ятаро.

Другой близкий к Ятаро деятель, Сигэнобу Окума, в 1888 году был министром иностранных дел Японии, в 1898 году стал премьер-министром страны на полгода, а много позже — с 1914 по 1916 год — вновь возглавил

японское правительство. Может быть, он удержался бы на этом посту и на более продолжительный срок, но одного из министров его кабинета поймали за руку на взяточничестве, и пришлось уходить в отставку.

Небольшой перерыв — и снова семья Ивасаки обзаводится «своим государством»: летом 1925 года на пост премьер-министра страны восходит Такааки Като, зять Ятаро Ивасаки.

В течение почти полугода — с ноября 1930-го по апрель 1931 года — обязанности премьер-министра исполнял зять Ятаро — Кидзюро Сидэхара. А в самое сложное для Японии время — с октября 1945-го по апрель 1946 года — в правительстве Японии оказались сразу два человека, связанные с семьей Ивасаки узами родства: премьер-министром стал тот же Сидэхара, министром финансов — виконт Кэйдзо Сибусава, женатый на внучке Ятаро.

Словом, и много десятилетий спустя «государство» продолжало служить Ивасаки. А Ивасаки, естественно, продолжали свято блюсти основу основ своей деловой этики — «сёки хоко».

Принципиальная последовательность в соблюдении этой заповеди едва не привела семью к изгнанию из ее собственной «империи».

Неудавшееся покушение

После поражения Японии в 1945 году американские оккупационные власти начали проводить в жизнь программу, известную под именем «демократизации экономики». Официальной целью ее было лишение богатейших семей Японии их экономической и соответственно политической власти и разукрупнение ведущих торговых и промышленных корпораций путем разделения каждой из них на несколько сравнительно мелких компаний. «Мицубиси», естественно, представляла собой один из объектов этой программы.

Первой жертвой «демократизации» стала опора «империи» — головная компания «Мицубиси хонся»: власти потребовали ликвидировать ее. Что означал приказ Макартура для семьи Ивасаки — понять нетрудно. Ведь с чисто формальной точки зрения вся гигантская империя «трех бриллиантов» принадлежала не Ивасаки, а этой

самой «Мицубиси хонся». И если Ивасаки тем не менее были единоличными властителями в «Мицубиси», то лишь потому, что «хонся» являлась собственностью членов семьи. Владея контрольным пакетом акций головной компании, семья и осуществляла безраздельный контроль над каждой из 76 корпораций «Мицубиси»: определяла их политику, формировала директораты, распоряжалась прибылями — словом, решала вопросы жизни и смерти этих фирм.

По замыслу оккупационных властей, достаточно было уничтожить этот высший орган контроля — и власть семьи исчезала сама собой. Оставшиеся у Ивасаки после роспуска «хонся» акции других корпораций «Мицубиси» было приказано передать в специально созданную правительственную Комиссию по ликвидации держательских компаний, которая должна была распродать эти акции «широким массам». В довершение все ставленники семьи в директоратах фирмы «Мицубиси» были лишены права занимать руководящие посты в этих компаниях. А чтобы стремление штаб-квартиры Макарура покончить с Ивасаки как с одной из влиятельнейших семей Японии ни у кого не вызывало сомнений, корпорациям «империи» отныне и впредь и во веки веков было запрещено использовать слово «Мицубиси» в своих фирменных наименованиях.

Казалось бы, оккупационными властями было сделано все, чтобы обеспечить крушение господства Ивасаки. Но иллюзии подобного рода продержались недолго. Первым лишился их уже в 1951 году престарелый гроза фондовой биржи Кудзиро Фудзирока. Как и многие другие, он поверил в легенду о гибели «Мицубиси» и решил прибрать к рукам один из самых лакомых кусков империи «трех бриллиантов» — отпочковавшуюся от «Мицубиси хонся» компанию «Ёва фудосан».

Компания эта казалась тем более соблазнительным объектом, что, имея акционерный капитал всего в 36 миллионов иен, она владела гигантскими земельными участками и домами стоимостью в 50 миллиардов иен.

Огромный разрыв между акционерным капиталом и стоимостью принадлежавшей компании недвижимости объяснялся просто. Штаб-квартира Макарура, заинтересованная в ослаблении «Мицубиси» как конкурента американских монополий, запретила лидерам империи

«трех бриллиантов» создавать корпорацию по операциям с недвижимостью с оплаченным акционерным капиталом более 36 миллионов иен. Требование, представлявшееся оккупационным властям необычайно жестким, не смутило бизнесменов: они хорошо знали, что акционерный капитал — фикция, бесплотная оболочка, под которую можно упрятать все, что угодно. С одинаковой легкостью они могли бы создать компанию с капиталом не в 36 миллионов, а в 10 тысяч иен. Так в оболочку акционерной компании «Ёва фудосан» были упрятаны земли и здания, стоимость каждого из которых была значительно большей, нежели весь оплаченный капитал корпорации.

Проблема, однако, заключалась в том, что оккупационные власти потребовали значительную часть акций «Ёва» выпустить в открытую продажу. На эту сторону дела и обратил внимание опытный биржевик.

Фудзиока прикинул, что достаточно будет скупить на бирже отнятые у семьи Ивасаки акции «Ёва фудосан», как он станет владельцем земель, стоимость которых намного превышает затраты на приобретение акций. Увы, осуществить свою голубую мечту претенденту на наследие Ивасаки так и не удалось: вскоре после начала операции он убедился, что имеет дело не с мелкой бесхозной компанией, но со всей империей «трех бриллиантов», которая, вопреки общепринятому мнению, не только сохранилась как единое целое, но и удержала за собой былую мощь. Фудзиоке предложили забыть о надеждах стать одним из крупнейших землевладельцев Японии. И ему не оставалось ничего иного, как продать собранный им пакет акций «Ёва фудосан» компаниям, совсем недавно носившим имя «Мицубиси».

Имя Фудзиока сегодня известно лишь немногим специалистам по истории японской фондовой биржи. А «Мицубиси» по-прежнему существует. Существует под тем же именем, использовать которое «навечно» было запрещено во второй половине 40-х годов.

А что же случилось с семьей Ивасаки? Спросите об этом любого японца — и он в ответ лишь пожмет плечами: «Понятия не имею». Ответ естественный. Потому что сейчас никому и в голову не придет связывать воедино семью Ивасаки и империю «трех бриллиантов»: в списках крупнейших акционеров всех компаний группы «Мицубиси» имена членов семьи не значатся.

Но кому же принадлежит этот гигантский конгломерат? Большинство исследователей, изучающих империю «трех бриллиантов», даже не пытается ставить такой вопрос. А те, кто не считает возможным обойти его стороной, дают настолько уклончивые, расплывчатые ответы, что их и ответами-то считать нельзя.

В подобном отношении есть свой резон. Достаточно взгляда на списки основных акционеров компаний «Мицубиси», как против воли напрашивается вывод: «империя» принадлежит... самой себе. Парадоксально, но факт. Возьмем, к примеру, одну из крупнейших химических компаний Японии — «Мицубиси касэй». Среди сорока ее основных акционеров нет ни одного живого лица: все эти акционеры — корпорации. Десять из них — компании, в названия которых входит знакомое нам слово «Мицубиси». Эта десятка владеет четвертью всех выпущенных «Мицубиси касэй» акций, то есть является совокупным крупнейшим акционером.

Иными словами, «Мицубиси касэй» находится под контролем группы «Мицубиси». В свою очередь эта химическая компания является крупным акционером каждой из остальных ведущих компаний группы, в том числе и тех, которым принадлежат пакеты акций «Мицубиси касэй». В частности, добывающая компания «Мицубиси когё» имеет 2 процента акций «Мицубиси касэй», а эта последняя держит в руках около 5 процентов акций добывающей корпорации. Компании «Мицубиси дзисё», занимающейся операциями с недвижимостью (она создана на базе той самой «Ёва фудосан», которую некогда безуспешно пытался подчинить Фудзиока), принадлежит 0,52 процента акций «Мицубиси касэй», которая, в свою очередь, имеет 0,52 процента акций «Мицубиси дзисё».

Эту цепочку можно продолжать до бесконечности. Но она так и не приведет нас к ответу на вопрос: кто же те люди, кто же те конкретные магнаты финансового капитала, которым принадлежат сегодня компании «Мицубиси»?

Трудность ответа на этот вопрос очевидна. Но она отнюдь не означает, что ответа вообще не существует. Чтобы найти его, стоит обратиться к двум фактам. Во-первых, еще когда оккупационные власти пытались согнать семью Ивасаки с трона империи «трех бриллиантов», они передоверили это дело самим японцам. Точнее, соответ-

ствующим государственным органам, созданным специально для «ропуска» японских монополий, или, как их еще называют, дзайбацу. Но не случайно хозяева «Мицубиси» столько трудов положили на то, чтобы государство выполняло их волю и желания. Даже в условиях оккупации оно продолжало работать на Ивасаки. И ничего удивительного нет в том, что ликвидация экономических позиций семьи на деле оказалась фикцией. В этом убеждают данные, до сих пор остающиеся достоянием лишь узкого круга посвященных.

Когда Макартур начал свою кампанию «демократизации экономики», члены семьи Ивасаки имели в личной собственности акции различных корпораций номинальной стоимостью в 177 миллионов иен. В соответствии с распоряжениями оккупационных властей они должны были все эти акции передать Комиссии по ликвидации держательских компаний. Предполагается, что так оно и было. Но вот что указывает предназначенный для внутреннего пользования отчет о работе этой самой комиссии. От семьи Ивасаки ею было получено для публичной распродажи лишь немногим более 20 процентов ценных бумаг Ивасаки. Из них в действительности было реализовано акций номинальной стоимостью всего в 16 миллионов иен. Таким образом, из рук семьи ушло меньше чем 10 процентов бумаг, собственность на которые и обеспечивала экономическое господство Ивасаки.

Но и это не все: за проданные комиссией бумаги номинальной стоимостью в 16 миллионов иен было получено 110 миллионов! Даже сделав скидку на бурную инфляцию тех лет, не будет преувеличением сказать: семья Ивасаки на «демократизации экономики» ничего не потеряла.

Не лишилась она и власти над своей «империей». С первых послевоенных лет до своей смерти в 1963 году всеми делами «Мицубиси» заправлял человек, пользовавшийся поистине безграничным влиянием в экономической и политической жизни Японии, — Такэо Като. Пусть не смущает вас, читатель, эта незнакомая вам и так непохожая на «Ивасаки» фамилия: он — один из них, Ивасаки. Прозванный за усердие «любимым мечом» Хисая Ивасаки, сына основателя «Мицубиси», он позже породнился с хозяевами империи, выдав замуж за одного из сыновей Хисаи свою племянницу.

После его смерти — с 1963 по 1967 год — высшая власть в делах империи переходит в руки Киёхико Сё. Пусть и эта незнакомая фамилия не удивляет вас, читатель: еще отец этого человека верой и правдой служил семье Ивасаки, за что и был удостоен одного из высших в «империи» постов — поста распорядительного директора головной компании «Мицубиси хонся». В прямом родстве с семьей Ивасаки Киёхико не состоял. Но зато имел двоюродного брата, женатого на племяннице того же Хисаи Ивасаки. Этот-то родственничек, Ватару Тадзицу, и возглавляет сегодня империю «трех бриллиантов». Вместе с ним бремя руководства «империей» делит один из влиятельнейших лидеров делового мира нынешней Японии — бывший президент банка «Мицубиси», а затем и глава государственного банка «Ниппон гинко» Макото Усами. Еще одна новая фамилия — и еще одна старая связь: его двоюродная сестра замужем за внуком Ятаро Ивасаки, возглавляющим в настоящее время целлюлозно-бумажную корпорацию «Мицубиси сэйси».

Мы проследили родственные связи лишь четырех крупнейших лидеров «Мицубиси», стоявших и продолжающих стоять у кормила власти над «империей» на протяжении всего послевоенного периода. Вывод может быть лишь один: и по сей день контроль над «Мицубиси» находится в руках если и не прямых представителей семьи Ивасаки, то лиц, теснейшим образом с нею связанных. Расширив рамки анализа до людей, входящих в директораты компаний империи «трех бриллиантов», мы обнаружим, что среди них нет никого, кто представлял бы какую-либо иную богатейшую семью Японии, будь то семья довоенной или послевоенной формации. Зато мы не найдем ни одной крупной компании в «империи», где в членах правления не значились бы дальние и близкие родственники семьи Ивасаки или даже ее непосредственные члены.

О монархах, все еще сохраняющихся в некоторых государствах, принято говорить: они царствуют, но не управляют. Что же касается хозяев империи «трех бриллиантов», то они предпочитают формулу менее эффективную, но зато более эффективную: они управляют, не царствуя.

Империя без границ

...Ранним утром к неуклюжему массивному каркасу столичного вокзала Уэно лихо подкатили несколько грузовиков, и вскоре их содержимое — крупные, не без элегантности отделанные коробки — оказалось расставленным во всех углах и закоулках гигантского мрачного зала. Первые толпы пассажиров, пошедшие на приступ утренних электричек, оставили новую деталь обстановки без внимания. Но привычка бессознательно реагировать на выписанные крупными иероглифами директивы, советы и наставления взяла свое. И к вечеру того же дня десятки коробок с указанием «Металлические банки из-под напитков бросать сюда» оказались заполненными до отказа. А когда зал и крытые платформы Уэно поздним вечером освободились от людских потоков, те же грузовики вновь подкатили к вокзалу, заполнили свои кузова содержимым коробок и отбыли восвояси. Так империя «трех бриллиантов» начала одну из новых многочисленных операций. «Империя» — и пустые консервные банки. Не вяжется? Вяжется. И еще как.

Таких банок, начиненных пивом, кока-колой и другими жидкостями, столь приятными для жаждущих, на японских вокзалах в год продается 3—4 миллиарда штук. Что томящемуся от духоты, зноя и жажды пассажиру алюминиевая баночка? Опорожнил ее — и выбросил. Один выбросил, другой, третий... За месяц только в Уэно их набирается 25—30 тонн, а в самые жаркие месяцы японского лета эта цифра увеличивается в 2—3 раза. Станционные власти ломали головы: «Как избавиться от этих десятков тонн хлама?» Проблема не из легких: сборщиков мусора нанимай, машины для вывоза банок на свалку арендуй...

Готовность «Мицубиси» взять все эти расходы на себя была встречена администрацией вокзала с превеликой радостью. Роль мусорщика «Мицубиси» взяла на себя неспроста. То, что станционным властям представлялось хламом, для монополии было ценнейшим промышленным сырьем. Благодаря операции «консервная банка» предприятия «Мицубиси» обрели возможность бесплатно получать тысячи тонн алюминиевого лома. Что представляет собой это «бесплатно», нетрудно понять: ведь тонна алюминиевого лома стоит в 30—40 раз дороже лома черных металлов.

Опустошенные банки с вокзалов поступают на предприятия «Мицубиси». А некоторое время спустя вновь идут в оборот. Часть изъятых с вокзалов алюминия пускают на производство тех же банок: группа «Мицубиси» недавно приобрела крупную компанию, занимающуюся изготовлением металлической тары для освежающих напитков. Другая часть рассасывается по тем многочисленным отраслям промышленности, которые используют для своих товаров это ценнейшее промышленное сырье. Ведь без алюминия сегодня не обойтись не только на земле, но и в космосе. И кому, как не «Мицубиси», это знать лучше других? Ведь космическая промышленность современной Японии — это прежде всего заводы, принадлежащие империи «трех бриллиантов». В границы «империи» производство ракет и спутников вписывается с такой же непринужденностью, как и операции по сбору консервных банок.

Назовите любую отрасль экономики, любую сферу предпринимательства — и вы не ошибетесь, если станете утверждать, что империя «трех бриллиантов» имеет там свой надел. Банки? Целых два. Страховые компании? Тоже две. Торговые фирмы? Сколько угодно. Шахты и рудники? Предостаточно. Животноводческие фермы? Имеются.

Предприятия империи «трех бриллиантов» выпускают сливочное масло и сахар. На ее заводах производится более половины всего пива, что ежегодно поглощает Япония. Сталь и стекло, текстиль и синтетические смолы, фотоаппараты и телескопы, фарфоровые сервизы и бульдозеры, цемент и химические удобрения... Чего-чего только нет в этом гигантском промышленном универсаме!

Но подлинной жемчужиной в короне «империи» является машиностроительная компания «Мицубиси дзюкогё». Жемчужину эту брат Ятаро Ивасаки — Яносукэ — приобрел у государства летом 1887 года за полцены. За полцены — не в приблизительном, а в прямом смысле слова: строительство судоверфей в Нагасаки обошлось правительству более чем в миллион иен. Ивасаки купил верфи за полмиллиона. Когда производилась купля-продажа предприятия, на него возлагались функции вспомогательные: ремонтировать старые суда, принадлежавшие «Мицубиси», и строить для нее новые. Но вскоре судо-

верфи в Нагасаки начали строить суда для продажи другим компаниям. Позже к верфям в Нагасаки присоединились и другие машиностроительные заводы.

Число их росло, номенклатура продукции расширялась. И сегодня 13 заводов, действующих под эгидой «Мицубиси дзюкогё», выпускают не только суда, но и всевозможные двигатели, оборудование для химической и металлургической промышленности, оборудование строительное и энергетическое, металлоконструкции и подъемные краны, вагоны и самолеты и многое, многое другое. Списки товаров, производимых «Мицубиси дзюкогё», настолько обширны, что даже много лет проработавшие в компании служащие не могут полностью перечислить все типы выпускаемой продукции. Словом, товарные границы империи «трех бриллиантов» не возьмется установить ни один товаровед.

Ятаро Ивасаки начинал создавать «империю», имея всего одну компанию. Сейчас в группе «Мицубиси» — несколько сотен компаний. А это означает, что под контролем монополии находится в наше время десятая часть всего капитала, вложенного в японскую экономику. Это означает также, что годовой сбыт товаров, произведенных на предприятиях группы, соответствует по своей величине государственному бюджету второй по экономической мощи державы капиталистического мира. Это означает, наконец, что на рудниках, фабриках и комбинатах, увенчанной эмблемой в виде трех красных ромбов, на благо хозяев «Мицубиси» трудится огромная — в один миллион человек — армия пролетариев.

Из-под пресса эксплуатации

Ясным холодным утром в декабре 1973 года перед зданием Верховного суда Японии собралась большая толпа. Рабочие и студенты, домашние хозяйки и глубокие старики, журналисты, фотокорреспонденты и операторы с телестудий пришли к этому невысокому старомодному зданию, чтобы узнать: чем же кончится процесс «Такано против «Мицубиси»?»

Этот процесс, приковавший к себе внимание всей Японии, тянулся десять лет. Дело против химической компании «Мицубиси дзюси» в апреле 1963 года возбу-

дил Тацуо Такано — человек, уволенный химической монополией лишь за то, что до поступления на работу он был членом прогрессивной молодежной организации.

Когда «Мицубиси дзюси» нанимала юношу, он не считал нужным рассказать экзаменаторам фирмы ни о своем политическом прошлом, ни о своих симпатиях и убеждениях. Но для монополии, эксплуатирующей труд тысяч рабочих, знать, какие мысли бродят в голове у каждого из них, не менее важно, нежели разбираться в степени его профессиональной квалификации. Точнее даже будет сказать — более важно: «Мицубиси» — механизм гигантский, сложнейшей конструкции, и работе его не должен мешать ни один дефектный с точки зрения капитала винтик.

И хотя Такано скрыл от хозяев «Мицубиси дзюси» свои убеждения, специалисты компании по контролю за политическим качеством эксплуатируемого ею человеческого материала в результате тайно проведенного расследования установили: Такано — «винтик» ненадежный, с «испорченными» взглядами, опасными для капитала, способный заразить своими убеждениями других. Этого «Мицубиси» допустить не могла. И Такано был уволен. Нужно ли говорить, что Верховный суд Японии единогласно утвердил право империи «трех бриллиантов» на контроль над мыслями своих рабочих, право лишать их заработка под предлогом несовместимости их взглядов с интересами «Мицубиси»!

«Империя» как огня боится любого распространения на ее предприятиях идей, способных открыть эксплуатируемым глаза на реальное положение вещей, толкнуть их на путь неповиновения и борьбы. Лидеры конгломерата «трех бриллиантов» хорошо понимают, что рост сознательности рабочего класса есть не что иное, как покушение на основу основ «Мицубиси» — на возможность эксплуатировать в своих интересах каждого двадцать пятого японского пролетария.

Изгнание «инакомыслящих» из числа рабочих «Мицубиси» приобретает для хозяев монополии тем большее значение, что генеральной линией «империи» является курс на создание «карманных профсоюзов», то есть профсоюзов, лишенных способности к антимонополистической борьбе.

Еще несколько лет назад существовала в Японии та-

кая химическая компания — «Токай гасу когё», входившая в орбиту влияния «Мицубиси». Несколько сот человек, работавших на заводе этой корпорации, не желали мириться с порядками, царившими на предприятии. Профсоюз поднялся на борьбу за повышение заработной платы. Борьба была тем более упорной, что профсоюз «Токай гасу» входил в прогрессивное рабочее объединение химической промышленности «Гока рорэн» и пользовался поддержкой его членов. Перед правлением корпорации возникла угроза утраты части прибылей. И тогда хозяева предприняли мощное наступление на профсоюз.

В компании из мастеров и других высокооплачиваемых сотрудников был спешно создан «Союз друзей демократизации». Удалось затащить в него и некоторых наименее сознательных рабочих. Когда «союз» несколько расширился, правление объявило, что впредь будет иметь дело только с ним и ни в коем случае с профсоюзом, проводившим борьбу за повышение жизненного уровня. Одновременно на заводе властями была развернута шумная антикоммунистическая кампания: руководство объявило, что всякий, не желающий вступать в «Союз друзей демократизации», — не кто иной, как самый что ни на есть «красный», и обращаться с ним впредь будут так, как «красные» того заслуживают.

Политика шантажа повлекла за собой уход из профсоюза части его членов. Но этого оказалось мало, и тогда правление перешло к политике «перемещений»: профсоюзных активистов стали перебрасывать с одной работы на другую, из одного цеха в другой, а некоторых перевели в дочерние компании «Токай гасу». Для крупных компаний, какой была и «Токай гасу», эти перемещения на деле означают насильственное разрушение складывавшихся годами уз товарищества между членами профсоюза. В руководство ослабленного рабочего объединения директорат посадил своих ставленников, а те в свою очередь заявили, что в отраслевом профобъединении больше участвовать не будут.

Так усилиями капитала был разгромлен один из отрядов пролетариата. А вскоре «Токай гасу» была поглощена крупной нефтехимической компанией группы «Мицубиси» — «Мицубиси юка», профсоюз которой уже до этого был «прикарманен» лидерами империи «трех брил-

лиантов». И первое, что получили бывшие рабочие «Токэй гасу» от этого слияния,— было удлинение рабочего времени...

Нет нужды распространяться о том, зачем нужен «Мицубиси» послушный рабочий: империя «трех бриллиантов» выжимала из него прибыли на заре своего развития, выжимает их и сейчас. И разрыв между полученным от эксплуатации и отдаваемым эксплуатируемому лишь возрастает. Этого не в силах скрыть при всем желании даже те, кто подписывает финансовые отчеты корпораций «Мицубиси». По данным отчетов крупнейшей жемчужины в короне «империи» — машиностроительной компании «Мицубиси дзюкогё», с каждого из 90 тысяч своих рабочих и служащих она в конце 60-х годов получала чистой прибыли в 5 раз больше, чем в середине шестого десятилетия. Зарплата же занятых в компании увеличилась за пять лет всего на 46 процентов. В результате активной работы эксплуатационных «ножниц» к началу 70-х годов компания платила своим рабочим и служащим в 5,6 раза меньше, чем получала от них!

Ограбление рабочих в «Мицубиси» поставлено на широкую ногу. И нет такого метода, от которого хозяева империи «трех бриллиантов» отказались бы, если он позволяет внести в актив группы за счет трудящегося хотя бы одну иену. Та же «Мицубиси дзюкогё» ввела на своих предприятиях своеобразную систему контроля за качеством продукции. Она не тратит денег на зарплату специальных инспекторов. К чему, если для этого можно приспособить рабочих? Им дополнительная нагрузка не оплачивается. Зато штраф за любое упущение в контроле за качеством взыскивается в десятикратном размере.

Трудно подсчитать, какие прибыли получает «Мицубиси дзюкогё» и от эксплуатации свободного времени рабочих, эксплуатации их опыта и смекалки. Во всяком случае прибыли эти огромны: ведь каждый из 90 тысяч человек, трудящихся на предприятиях компании, обязан отдавать ежемесячно по 4—6 часов своего свободного времени на то, чтобы на неофициальных совещаниях со своим бригадиром обсудить, как идет работа, что мешает повышению ее эффективности, какие недостатки и как именно следует устранить. До недавнего времени за эти затраченные на компанию часы рабочие не получали ни

иены, и лишь несколько лет назад им начали наконец выплачивать символическое «вознаграждение за усердие» в размере оплаты двух часов рабочего времени.

В данном случае речь идет только о постоянных рабочих «Мицубиси». Но они лишь один из объектов эксплуатации. Огромные прибыли империя «трех бриллиантов» извлекает, обирая наиболее обездоленную прослойку японского пролетариата — временных рабочих и рабочих с формально независимых мелких и средних компаний, занимающихся выполнением субподрядов основных компаний «Мицубиси».

Насколько велики масштабы такой скрытой эксплуатации, помогают понять следующие факты: в упоминавшейся выше нефтехимической компании «Мицубиси юка» работают около 5 тысяч человек, а на предприятиях зависимых от нее дочерних и субподрядных компаний — более 10 тысяч! В дочерних и внучатых компаниях корпорации «Мицубиси касэй» трудится 20 тысяч человек — вдвое больше, чем в «материнской компании». Все они выполняют в общем ту же работу, что и занятые на предприятиях основных корпораций «Мицубиси», но условия труда в окраинных владениях империи «трех бриллиантов» несравненно хуже, а зарплата — намного ниже. И чем более велик этот разрыв — тем больше прибылей зачисляют хозяева «Мицубиси» на свои банковские счета.

Сказка XX века

В рекламной брошюре, выпущенной «Мицубиси» к своему столетию, анонимные авторы ее проделали несложный подсчет. По их данным, только в 44 ведущих компаниях группы работает 340 тысяч человек. «Если,— размышляют составители брошюры,— предположить, что каждый из них на свою зарплату содержит семью, состоящую в среднем из четырех человек, то окажется, что 44 компании группы «Мицубиси» обеспечивают существование примерно 1 400 000 японцев».

Цифра эта впечатляет. Но впечатление станет значительно ярче, если напомнить, что речь идет лишь о четырех десятках компаний из нескольких сотен корпораций, действующих под эгидой «Мицубиси». А общее число рабочих и служащих в этих нескольких сотнях фирм,

как мы уже знаем, составляет не менее миллиона человек.

Воспользуемся методологией, предложенной авторами юбилейного панегирика: одна семья — четыре человека, миллион тружеников — миллион семей — 4 миллиона человек. Расчет не очень точный, но довольно близкий к действительному положению вещей: около 4 миллионов человек зависят сегодня в Японии от группы «Мицубиси». И империя «трех бриллиантов» использует эту зависимость на все сто процентов. Потому что для нее эти 4 миллиона, начиная от грудных младенцев и кончая глубокими стариками, не дети и родители, не братья и сестры, не мужья и жены. Все они для «Мицубиси» лишь рынок. Точнее, часть того самого рынка, без которого ни один из бесчисленных товаров с клеймом «Мицубиси» в конечном счете не мог бы вернуть хозяевам «империи» прибыль, полученную от эксплуатации.

Разумеется, империя «трех бриллиантов» сбывает свою продукцию любому желающему: лишь бы платили. Но этот самый «любой» располагает известной свободой выбора: хочет — покупает товар «Мицубиси», не хочет — покупает чей-нибудь другой товар. Миллионы же японцев, зависящие от империи «трех бриллиантов», такой свободой не обладают. Подобно тому, как в седую старину предки Ятаро Ивасаки были превращены в вассалов князей Яманоути, так ныне живущие на полученную у «Мицубиси» зарплату сотни и сотни тысяч японских семей превращаются постепенно в данников империи «трех бриллиантов». Впрочем, сравнение это неточно: ведь между платящим дань и крепостным — пропасть. А миллион семей, чье существование зависит от «Мицубиси», и есть крепостные. Крепостные XX века.

Начиналось закрепощение буднично, в духе современности. Когда одна из компаний «Мицубиси» полвека назад освоила выпуск отечественных вентиляторов, в столовых, где наскоро перекусывали в обед служащие компаний «империи», появились броские рекламные плакаты: «Неотвратимо надвигается летняя жара. Избавляйтесь от нее с помощью наших вентиляторов! Не сомневайтесь: качество наилучшее, ничего подобного в мире еще не было! Вам предоставляется возможность за поразительно низкую цену избавиться от едкого пота, выжимаемого из вас летней духотой!»

Сегодня этот убогий образчик первобытного рекламного искусства способен вызвать у специалистов лишь презрительную ухмылку. Но лиха беда начало. За десятилетия техника внутренней рекламы оттачивалась, методы совершенствовались, прибыли росли.

Несколько лет назад подданным империи «трех бриллиантов» было категорически предложено заполнить анкету. Авторы анкеты особое внимание уделяли следующим вопросам: «Знаете ли Вы, какие компании принадлежат «Мицубиси»?», «Какие чувства испытываете Вы, прочтя или услышав слово «Мицубиси»?», «Обращаете ли Вы внимание на то, произведен ли покупаемый Вами товар одной из компаний группы «Мицубиси» или нет?», «Отдаете ли Вы при совершении покупок предпочтение товарам, выпущенным «Мицубиси»?», «Испытываете ли Вы гордость оттого, что работаете в компаниях «Мицубиси»?»

Итоги опроса оказались не слишком приятными для социологов от рекламы. Лишь около одной четверти из заполнивших анкету сообщили, что полученную в кассах «империи» зарплату они тратят на покупки товаров с клеймом «три бриллианта». Примерно такое же число работников ответило, что покупают главным образом товары конкурентов «Мицубиси». А остальные проявили полную несознательность: они сообщили, что им, откровенно говоря, плевать, чей товар они покупают, были бы цена пониже да качество получше.

В руководстве «Мицубиси» поднялся переполох: «С какой же это стати более половины денег, выплачиваемых работникам «Мицубиси», уходит на сторону?! По какому такому праву подданные нашей «империи» тратят деньги на поддержку наших же конкурентов?! Не-ет, так дело не пойдет! С порочной практикой пора кончать!»

И начали кончать. Сегодня свобода выбора для всех, чья жизнь зависит от «Мицубиси», становится все более и более ограниченной. Если, к примеру, кого-нибудь из многих сотен тысяч рабочих и служащих «империи» застигнут на месте преступления с уликой — кружкой пива «Асахи» или «Саппоро» в руках, — ему грозят строгие кары: либо прибавки к зарплате лишат, либо продвижение по служебной лестнице попридержат. А то и увольнением пригрозят. И не потому, что хозяева «Мицу-

биси» — воинствующие поборники трезвости. Просто из соображений «фирменного патриотизма»: в группе «Мицубиси» есть своя пивоваренная компания — «Кирибиру», и потому подданные империи «трех бриллиантов» обязаны пить исключительно пиво «Кири», украшенное этикеткой с изображением извивающегося от удовольствия усатого пучеглазого дракона.

Но лидеры «Мицубиси» понимают, что одними лишь строгостями многого не добьешься. Мысли их мечутся в поисках методов, более достойных «свободного общества». И вот один из последних образчиков их поисковых работ: совет президентов «Мицубиси» решил, что жителям «империи» ни к чему вступать в браки с подданными иных финансово-монополистических «империй» Японии. В самом деле, как быть, если муж работает на «Мицубиси», а жена на «Сумитомо»? Какое пиво должны пить в такой «многонациональной» семье? Ведь стены десятков компаний, входящих в концерн «Сумитомо», увешаны цветными плакатами, утверждающими: «Люди «Сумитомо» пьют только пиво «Асахи»!» А как решать вопрос о покупке стиральной машины? Радиоприемника? Костюма или отреза на пальто?

И вот, дабы избавить молодые пары от этих проклятых вопросов, внести в семьи мир да совет, в «Мицубиси» решили создать собственный «семейный клуб». Дело затеяно на широкую ногу. Клуб создан в форме акционерной компании, обильно оснащенной электронно-вычислительными машинами. В компьютеры занесены десятки подробнейших данных на каждого и каждую из работающих в системе «Мицубиси», кто еще не выбрал себе спутника жизни. Как только кто-нибудь из них вознамерится вступить в законный брак, начальство выкладывает перед ним карточки: «Вот, выбирай. Лучшего тебе все равно не найти. Эти варианты предлагает ЭВМ. А электроника, сам (или сама) знаешь, не ошибается...»

Комплектуя «фирменные пары», хозяйева «Мицубиси» одним выстрелом убивают двух зайцев. Во-первых, они получают повышенные гарантии лояльности молодоженов, когда дело будет заходить о покупках молодой семьи. Во-вторых, на брачном бизнесе «Мицубиси» также собирается подзаработать. «Семейный клуб» — предприятие сугубо коммерческое. Каждый, кого ЭВМ изберет

объектом своих таинственных манипуляций, обязан уплатить клубу вступительные взносы плюс «благодарственные» за электронное сватовство. Только на этих услугах империя «трех бриллиантов» собирается зарабатывать не менее 8 миллиардов иен в год.

По предварительным оценкам, ежегодный бракооборот клуба составляет не менее 100 тысяч пар «чистокровных мицубисцев». Но 8 миллиардов иен — лишь первоначальная жертва молодоженов на алтарь Молоха, заклеянного тремя ромбами. Уплатив вступительные и «благодарственные» взносы, очастливленные электронной пары должны также заплатить страховой компании концерна «Мэйдзи сэймэй» за совершение обряда бракосочетания, электротехнической компании «Мицубиси дэнки» — за телевизор, стиральную машину и холодильник, химической компании «Мицубиси касэй» — за пластмассовые изделия домашнего обихода, банку «Мицубиси гинко» — вернуть проценты за кредит на свадебное путешествие и на приобретение стандартного набора вышеперечисленных атрибутов семейного очага, корпорации «Кириин биру» — оплатить пиво, в изобилии заготовленное к свадебным торжествам...

Хозяева «Мицубиси» надеются, что выбраться из этой паутины платежей подданным империи «трех бриллиантов» не удастся уже до конца их жизни. Некоронованные императоры уверены, что услугами «семейного клуба» будут пользоваться даже потомки тех, кому сегодня отводится роль платящих пожизненный оброк. Платящих лишь за то, что здоровье и силы выкачивают из них не «Мицуи» или «Сумитомо», не «Фудзи» или «Санва», а именно она, империя «трех бриллиантов».

Преемники Ятаро Ивасаки не стремятся афишировать свои надежды и замыслы. И потому вот уже много лет кряду телевизоры и радиоприемники Японии изо дня в день услаждают слух и зрение абонентов несложной ласковой мелодией и простым, как дважды два, ненавязчивым утверждением: ««Мицубиси» принадлежит вам, «Мицубиси» принадлежит всему миру!» Идея эта, вот уже десять лет внушаемая всеми доступными средствами массовой информации, родилась не вдруг. Ее обрели в результате конкурса на лучший лозунг группы «Мицубиси», в котором участвовали едва ли не все подданные империи «трех бриллиантов».

Трудно сказать, какие ассоциации вызывают эти слова в умах миллионов японцев. Но едва ли будет преувеличением утверждать, что с каждым годом растет число тех, кому ласковое заверение: ««Мицубиси» принадлежит вам...» — невольно напоминает старую, с детства запомнившуюся сказку: с легким скрипом открывается ведущая в избушку дверь, в комнату входит маленькая девчушка в красной шапочке; увидев на бабушкиной постели торчащую из-под ветхого, в ярких пятнах заплат одеяла мохнатую когтистую лапу, она испуганно вскрикивает: «Ой! Кто это?»; лапа нервно вздрагивает и исчезает под одеялом, а в ответ с кровати раздается густой хриплый рык: «Это я, твоя старая, добрая бабушка...»

Монополия и ее цены

Империя «трех бриллиантов» — монополия. И монополия гигантская. Именно поэтому в основе ее могущества лежит не только эксплуатация рабочих, вынужденных ради куска хлеба трудиться на предприятиях «Мицубиси», но и открытое ограбление всех и вся, кому из-за монопольных позиций группы на рынке того или иного товара приходится покупать изделия с клеймом в виде трех сходящихся вершинами ромбов.

Возьмем, к примеру, химическую компанию «Мицубиси касэй». На ее долю приходится 54 процента всего выпускаемого в Японии малеинового ангидрида — ценнейшего сырья для производства синтетических волокон, столько же другого важного химического сырья — октанол, 28 процентов активной сажи, 21 процент капролактама, 13 процентов красителей, 10 процентов аммиака и так далее и тому подобное. Любая компания, вынужденная обращаться к «Мицубиси касэй» за этими химикатами, волей-неволей должна платить ту цену, какую с нее потребуют. Попытки приобрести товар за более низкую цену у конкурентов «Мицубиси» ни к чему не приведут: во-первых, таких конкурентов не так уж много; во-вторых, едва ли не все они связаны с действующими в соответствующих отраслях компаниями «Мицубиси» узами картельных соглашений.

Буржуазные «теоретики» любят порассуждать на тему о том, что в Японии, дескать, никаких монополий не су-

ществует, поскольку ни одной из промышленных корпораций не удастся сосредоточить в своих руках производство и сбыт того или иного товара на сто процентов. Однако действительность изо дня в день опровергает домыслы несостоятельных доктринеров.

По их мнению, тот факт, что «Мицубиси касэй» контролирует всего 13 процентов производства красителей, может свидетельствовать лишь об одном: эта компания не монополия. «Может ли эта корпорация,— вопрошают они,— устанавливать монопольно высокие цены и извлекать монопольную прибыль от сбыта красителей, если остальные 87 процентов этого товара производят ее конкуренты?» Оказывается, может. И без особых усилий.

1 марта 1972 года о повышении цен на красители объявила крупная химическая компания «Сумитомо кагаку». 6 марта ее примеру последовала другая компания — «Ниппон каяку». 10 марта о повышении цен объявила «Мицубиси касэй», а несколько дней спустя тот же шаг предприняли и остальные компании, выпускающие синтетические красители.

Казалось бы, обыкновенный стихийный рост цен. Однако в действительности все выглядит совсем иначе. Все пять компаний, выпускающие красители, еще в январе того же года на совещании в зале заседаний «Сумитомо кагаку» договорились и о размерах повышения цен, и о совместных мерах борьбы с потребителями, если те станут добиваться их снижения, и о другом. В частности, о том, какая компания какого числа будет объявлять о повышении. Последнему пункту придавалось особое значение: разнобой в датах должен был вызвать впечатление, будто ни о каком сговоре компаний нет и речи.

Случай с синтетическими красителями — лишь один из многих примеров деятельности по установлению монопольно высоких цен. Только с апреля 1973-го по февраль 1974 года в Японии было раскрыто 63 подпольных картеля в самых разнообразных отраслях. И в каждом из них были представлены компании империи «трех бриллиантов».

Но «Мицубиси» орудует не только в Японии. Арена ее деятельности — весь мир. И потому в любом уголке земли можно обнаружить следы той же монополистической практики, какую с такой охотой использует империя «трех бриллиантов» у себя дома.

Уже в середине 50-х годов японские компании, выпускавшие штапель, начали испытывать трудности со сбытом продукции на японском рынке. Выход из этих трудностей они попытались найти за границей. Но сделать это оказалось нелегко: японские компании столкнулись с ожесточенным сопротивлением «Фидес» — картеля западноевропейских монополий. Япония приняла вызов: местные компании объединились в национальный картель под непритязательным названием «Ассоциация содействия развитию экспорта штапеля». Между картелями началась тихая, но жестокая схватка за рынки сбыта. Трудно сказать, чем бы она кончилась, если бы западноевропейские компании не предложили мировую. И в 1961 году вчерашние противники превратились в партнеров: они не нашли ничего лучшего, как поделить мир. Точнее, ту его часть, которая именуется мировым рынком штапеля.

31 августа 1967 года западноевропейские и японские текстильщики собрались в Женеве, чтобы договориться об усилении совместного контроля над рынком. Японский картель обещал не продавать свои товары в большей части Западной Европы, его партнер «Фидес» согласился не покушаться на японский внутренний рынок. Предпринимателям из Страны восходящего солнца была отдана в единоличное пользование бóльшая часть Азии, «Фидес» получил остальную часть Азии, а также Африку. И лишь Американский континент партнеры сохранили в качестве зоны, где ни один из них не имел преимуществ. Оба картеля, слившись в один, ввели в практику совместное определение количества штапеля, которое разрешалось продавать каждому из членов картеля на рынках Нового Света, согласовывали минимально допустимый уровень цен.

Одним из основных партнеров, принимавших участие в «штапельном переделе мира» с японской стороны, была текстильная компания из империи «трех бриллиантов» «Мицубиси рэйён». Она же, кстати сказать, стала членом еще одного международного текстильного картеля, созданного в марте 1972 года в токийском отделе «Окура» для дележа мирового рынка полиэфирного волокна.

Лидеры «Мицубиси» хорошо понимают, что подчас прекращение схваток с противниками из-за прибылей оказывается куда выгоднее военных действий. Но это

ни в коей мере не означает, будто империя «трех бриллиантов» чужается конкурентной борьбы. Напротив, она ни на минуту не выходит из конкурентных схваток, всем своим поведением подтверждая неразрывную взаимосвязь между монополией и конкуренцией.

Битвы без выстрелов

Мы уже знаем, как семья Ивасаки создавала свою «империю». Схватки открытые и тайные, интриги и махинации — словом, все, что объединяет в себе понятие «конкурентная борьба», было для ее членов не просто привычным, но жизненно необходимым делом. Да и могло ли быть иначе? Сегодня ты позволил себе расслабиться — и завтра тебя собьют с ног, бросят на грязный помост, и чужие потные руки протянутся к твоему горлу... Чтобы эта картина, рисуемая небогатым на вариации воображением, не стала явью, Ивасаки никогда не позволяли себе отступить от неписаного правила: «Ни дня без борьбы!» С тем же постоянством исповедуют воинственную заповедь и потомки Ятаро и Кояты Ивасаки.

Летом 1969 года президент «Мицубиси дзюкогё» Макиита признался журналистам: «Столетие «Мицубиси» мне хотелось бы отметить взрывом такой силы, которая заставила бы поразиться даже покоящихся в земле господ Ятаро и Кояту». Год с небольшим спустя желание президента сбылось: окрестности глубокого извилистого залива, по живописным гористым склонам которого рассыпался город Нагасаки, потряс оглушительный взрыв. С точки зрения сугубо практической это событие, снесшее с островка Кояги, что приютился в горловине нагасакского залива, целую сопку, ознаменовало закладку нового судостроительного дока. Однако взрыв этот имел и символический характер. Во-первых, он как бы завершил борьбу «империи» с одним из ее старейших конкурентов — судостроительной компанией «Каваминами дзосэнсё». Во-вторых, этот взрыв оповестил о начале «империей» новой битвы — битвы за трон в мировом капиталистическом судостроении.

Город Нагасаки с экономической точки зрения известен сегодня прежде всего своими судоверфями. Точнее, не своими, а «Мицубиси». Но еще до войны, да и в пер-

вом послевоенном десятилетии, крупнейшим поставщиком судов здесь была «Каваминами дзосэнсё», а империи «трех бриллиантов» приходилось довольствоваться лишь вторым местом. В мире капитала престиж важен постольку, поскольку он окупается. Второе место для «Мицубиси» в данном случае означало лишь то, что львиную долю прибылей в Нагасаки получал конкурент.

Такого поношения «Мицубиси» терпеть не могла, да и не собиралась. Она ввела в бой все свои силы — и уже в середине 50-х годов «Каваминами» оказалась на грани банкротства. Владелец ее — влиятельный магнат Тоёсаку Каваминами — был человеком крутого нрава. Видя, что в конкурентной борьбе ему не устоять, он решил применить против врага его же оружие — государственную власть. Каваминами, разумеется, не имел и малой доли того влияния на государственные дела, какое сумела обеспечить себе за многие десятилетия «империя». И он не придумал ничего лучшего, нежели... захватить государственную власть.

В 1961 году Тоёсаку Каваминами при поддержке японских «ультра» попытался учинить переворот. Путч закончился успешно, но не для заговорщиков, а для «Мицубиси»: Каваминами и иже с ним были арестованы и преданы суду, а «Каваминами дзосэнсё» в отсутствие своего хозяина лишилась последних возможностей сбыта и была низведена до уровня третьестепенной компании. «Мицубиси» прочно закрепилась в судостроительной промышленности Нагасаки на первом и единственном месте.

Но Нагасаки еще не вся Япония и уж тем более не весь мир. В мировом судостроении лидером оставался противник куда более могущественный, нежели «Каваминами»: крупнейшим поставщиком судов в капиталистическом мире был японский машиностроительный трест «Исикавадзима-Харима дзюкогё». Чтобы лишить его короны, нужны были усилия поистине гигантские. Начать хотя бы с того, что к концу 60-х годов «Исикавадзима-Харима» могла строить суда до 500 тысяч тонн каждое, тогда как на верфях «Мицубиси» строили корабли грузоподъемностью не более 300 тысяч тонн. Чтобы опередить «Исикавадзиму-Хариму», надо было построить соответствующий док. Но для предприятий таких масштабов нужны и соответствующие земельные участки, а их

в Японии почти не осталось: все пригодные для застройки земли давно уже раскуплены. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, «Мицубиси» пришлось снова приняться за «Каваминами дзосэнсё».

Компания эта уже не могла конкурировать с «империей». Но она по-прежнему владела сохранившимся в наследство от бывшего величия островом Кояги. Лучшего места для строительства супердока придумать было нельзя. Но остров нужно было отнять. Что и было сделано.

За годы своих бедствий «Каваминами» задолжала казне в виде неуплаченных налогов изрядную сумму. Налоговый департамент, в соответствии с установившейся в Японии практикой, долгое время не беспокоил должника. Но по случайному совпадению решил взыскать с него всю задолженность до иены как раз в тот момент, когда у «Мицубиси» возникла необходимость в строительстве нового дока. Имущество «Каваминами» было продано с торгов. Торги выиграла «Мицубиси». Остров Кояги перешел в собственность «империи». Попытки «Каваминами» оспорить в суде правомерность торгов успеха не имели. Вскоре после этого-то и огласил окрестности Нагасаки взрыв гигантской силы.

В 1972 году на острове Кояги «Мицубиси» закончила строительство сверхкрупного дока, позволяющего выпустить суда грузоподъемностью до 1 миллиона тонн. И в том же году «Исикавадзима-Харима» вынуждена была уступить трон крупнейшего поставщика судов в Японии и во всем капиталистическом мире своему конкуренту — компании «Мицубиси дзюкогё».

Примерами подобного рода пестрит история любой отрасли японской промышленности. Но империя «трех бриллиантов» в борьбе за место под солнцем прибылей не ограничивается одними лишь конкурентными «скачками». Она не менее охотно пускает в ход и такое оружие, как подчинение своему влиянию более слабых противников в борьбе за прибыли.

Есть, например, в Японии концерн, контролируемый семьей Моримура, одной из старейших купеческих семей Японии. Но компании его, занимающиеся производством керамических изделий, давно уже оказались вынужденными уступить контрольные пакеты акций группе «Мицубиси». А Моримуры, некогда безраздельно господство-

вавшие в своем княжестве, оттеснены на второй план. Другой пример: всего лет пятнадцать назад был в Японии еще один крупный концерн, в соответствии с традициями именованный по фамилии своих хозяев концерном «Фудзияма». Его предприятия выпускали сахар и химические удобрения, кассовые аппараты для магазинов и синтетические смолы... Увы! Хозяин концерна Айтиро Фудзияма слишком увлекся политикой, в борьбе за пост премьер-министра растратил колоссальные суммы, и его владения оказались под угрозой банкротства. Кончилось тем же, что и для Моримур: компании концерна перешли под контроль «Мицубиси», а семье Фудзияма остались лишь воспоминания о былом могуществе да второстепенные посты в правлениях компаний, некогда бывших их собственностью.

Судьбы моримур и фудзиям закономерны. Каждый новый рывок капиталов «Мицубиси» за пределы невидимых границ империи «трех бриллиантов» заставляет все новых и новых капиталистов приходить к неутешительному признанию: пресловутая свобода частного бизнеса есть свобода для сильных.

Пока существует капитализм — капитал не исчезает. Он лишь переходит из рук в руки. Из рук слабых в руки сильные. Бывают ли в этой бесконечной борьбе поражения у империи «трех бриллиантов»? Да, бывают. Но редко. Очень редко. А если быть более точным, то приходится признать, что за весь послевоенный период «Мицубиси» потерпела лишь одно серьезное поражение. В 1969 году этой группе пришлось отказаться от плана проглотить один из крупнейших банков Японии — «Дайити гинко». Удайся этот замысел — а он был так близок к свершению! — и у империи «трех бриллиантов» в Японии не осталось бы ни одного серьезного противника. Но замысел был сорван. И все бы ничего, да «Дайити гинко» слился с другим крупным банком — «Ниппон кангё гинко». Это событие имело своим следствием появление в Японии новой мощной капиталистической группировки «Дайити-Кангё». И хотя позициям «Мицубиси» ущерба нанесено не было, у империи «трех бриллиантов» появился противник достаточно сильный, чтобы резко обострить борьбу за сферы влияния.

Но неудача с банком «Дайити» не повергла лидеров «Мицубиси» в уныние. Это поражение для них — лишь

эпизод в вечной конкурентной борьбе. Сама же борьба далека от завершения. Вопрос «кто кого?» остается открытым. И потому «Мицубиси» продолжает свою войну без выстрелов.

Свое — свое и чужое — свое

Банкиры — люди слишком занятые и потому не позволяют себе чрезмерно увлекаться чтением. Тем не менее раз в год они изменяют этой традиции и ежечасно напоминают секретарям: «Как только поступит свежий «Форчун» — немедленно ко мне». Ажиотаж понятен: в августовском номере ведущего журнала деловых кругов США из года в год печатаются занимательнейшие данные об итогах «рысистых состязаний», ни на минуту не прекращающихся в мире большого бизнеса. Кто обошел конкурентов и выбился в лидеры? Кого вытеснили из числа фаворитов? Кто из соперников сломал шею в погоне за прибылями? На такие вопросы позволяют ответить таблицы «Форчуна». Это единственный журнал, освещающий ход конкуренции между финансовыми воротилами во всемирном масштабе. Авторитет «Форчуна» в распределении призовых и любых иных мест непререкаем.

И все же не так давно по престижу судейской коллегии журнала был нанесен ощутимый удар. Последствия его проявились в сообщении, переданном всеми телеграфными агентствами капиталистического мира: «Редакция «Форчуна» приносит свои извинения читателям за допущенную в составлении таблиц ошибку и просит иметь в виду, что японский банк «Мицубиси гинко», числящийся в списке крупнейших банков мира, за исключением американских, на 18-м месте, в действительности занимает 16-е место».

Ни одна редакция не испытывает удовольствия от того, что обстоятельства заставляют вносить поправки в материалы, ею же опубликованные. И уж если «Форчун» вынужден был оповестить весь читающий мир о своей ошибке, то отнюдь не по доброй воле: требование внести коррективы поступило от самого банка «Мицубиси гинко».

Казалось бы, какая разница — 18-е место или 16-е? Стоило ли огород городить ради такого пустяка? По мнению директора «Мицубиси гинко», стоило.

Появись ошибка в одном из японских периодических изданий — она осталась бы незамеченной. А и заметили бы — лишь махнули рукой: «Дома нас и без того хорошо знают». Но ведь «Форчун» — издание в своем роде международного масштаба. Читают его во всех странах мира. А коли так — пусть всюду знают: банк «Мицубиси» развивается столь стремительно, что даже всеведущий «Форчун» не поспевает следить за его скачками вверх по лестнице банковского престижа.

Престижные соображения играют далеко не последнюю роль в стратегии империи «трех бриллиантов». Мы уже видели, с какой настойчивостью вдабливается в мозги японцев лозунг ««Мицубиси» принадлежит вам...». Но ведь у этого постулата есть и вторая часть: ««Мицубиси» принадлежит всему миру». И с течением времени проповеди, начинающиеся этими словами, звучат за пределами Японии все громче и громче. Потому что «Мицубиси» сегодня — не просто японская монополия, но монополия международная.

Затрачивать чрезмерные усилия на доказательство «международности» владений «Мицубиси» нет никакой нужды. В конце 1972 года японо-тайландские отношения оказались близкими к полному разрыву: по Таиланду прокатилась мощная волна выступлений против засилья в стране японского капитала. Многолюдные демонстрации протеста и яростные митинги, разбитые стекла витрин в магазинах, продававших товары с клеймом «Сделано в Японии», и факелы подожженных машин, полный бойкот японских товаров независимо то того, произведены ли они в Японии или в Таиланде, — все эти проявления народного негодования вновь и вновь убеждают: проблема «Мицубиси» — это проблема не только японского народа.

На капиталы империи «трех бриллиантов» в Таиланде созданы заводы по производству стального проката и текстильные фабрики, предприятия по выпуску стекла и синтетических смол, электроприборов и грузовиков, компании, занимающиеся складскими операциями и транспортировкой товаров. А это означает, что «Мицубиси» эксплуатирует не только миллион японцев, но и тысячи пролетариев Таиланда. Да и не только Таиланда: на деньги «Мицубиси» создано свыше ста всевозможных компаний более чем в тридцати странах мира.

«Интернационализация экономики». Пожалуй, более популярного выражения сегодня и не сыщешь в лексиконе лидеров империи «трех бриллиантов». В переводе на язык более понятный лозунг «интернационализация экономики» означает готовность «Мицубиси» сотрудничать с капиталом любой другой страны на территории любого государства, включая самое Японию. О каком «сотрудничестве» идет речь?

Внедрение капитала «Мицубиси» в экономику развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки — лишь один из образчиков «сотрудничества». И впрямь, не «интернационализация» ли это? Ведь до недавнего времени империя «трех бриллиантов» извлекала прибыли лишь в рамках государственных границ Японии, а сегодня — сегодня с каждым днем становится все меньше и меньше стран, с которых «Мицубиси» еще не взимает свою капиталистическую дань.

А вот и другой образчик «сотрудничества». Семь десятков лет назад одна из машиностроительных компаний «империи» приобрела в Англии право на производство в Японии судовых турбин. Операция хозяевам «Мицубиси» понравилась: не затратив на исследования и проектирование ни денег, ни времени, что в обществе «свободного предпринимательства», как известно, тоже деньги, японская корпорация получила возможность в небывало короткие сроки освоить выпуск прибыльной новинки.

С тех пор скупка достижений зарубежной научно-технической мысли становится одним из генеральных направлений коммерческой деятельности «империи». Та же машиностроительная компания группы, известная ныне под именем «Мицубиси дзюкогё», выпускает около двухсот товаров, увидевших свет в научно-исследовательских институтах, лабораториях и проектно-конструкторских бюро США и ФРГ, Англии и Швейцарии, Франции и Швеции, Италии и Голландии. Равных «Мицубиси дзюкогё» по числу купленных за границей лицензий в Японии нет. А на вопрос о причинах столь рьяного пристрастия к зарубежным новинкам президент компании Макита ответил как-то: «Просто мы считаем, что платежи за иностранную технологию все равно что расходы на наши собственные научно-технические исследования. Конечно, это связано с затратами иностранной валюты. Но ведь

за счет вывоза произведенных на базе иностранной технологии товаров мы получаем валюты в 4 раза больше, чем тратим на приобретение этой технологии».

Впрочем, в последнее время выясняется, что подобная практика нравится далеко не всем. И меньше всего тем зарубежным монополиям, которые до сих пор столь охотно снабжали «Мицубиси» по сходной цене лицензиями на свои изобретения и усовершенствования. Не так давно зарубежные экономисты пришли к выводу, что одна из важнейших причин «японского экономического чуда» в использовании иностранной научно-технической мысли. Открытие это имело немаловажные практические последствия: японским охотникам за лицензиями начали отказывать все чаще и чаще. На предложение продать Японии ту или иную новинку хозяева плодов из сада научно-технической революции стали давать стереотипные ответы такого примерно содержания:

— Нет, не продадим. А хотите заработать — пожалуйста. Наше изобретение мы оцениваем в такую-то сумму. Вы добавляете столько же, и все вместе становится капиталом новой компании, которая и будет производить новый товар. Прибыли пополам.

«Прибыли пополам!» Что может звучать хуже для уха частного предпринимателя? Но поди откажись: этак можно не получить и предлагаемой половины прибылей. В империи «трех бриллиантов» к подобному выводу пришли одними из первых. Сориентировались — и работа закипела. Плоды ее налицо: в Японии действует три десятка компаний, в которых капитал «Мицубиси» настолько тесно сросся с капиталами иной национальности, что даже специалисту подчас невозможно определить: японская это корпорация или американская, западногерманская, французская или какая иная.

Выведение многонациональных гибридов далось империи «трех бриллиантов» с тем большей легкостью, что некоторый опыт в делах такого рода «Мицубиси» имела уже с довоенных времен: к участию в электромашиностроительной компании «Мицубиси дэнки» был допущен капитал американской монополии «Вестингауз», а половина капитала нефтяной компании «Мицубиси сэкию» была уступлена американской же компании «Ассошиэйтед ойл». Союз капиталов выдержал испытание временем. Уже на следующий день после начала войны между

Японией и США глава империи «трех бриллиантов» Коята Ивасаки созвал на чрезвычайное совещание своих подчиненных и объявил им:

— В своих делах «Мицубиси» издавна сотрудничала с некоторыми иностранцами. До сего дня они были нашими друзьями, занимались одним с нами делом, имели общие с нами интересы. Война не должна уничтожить старую дружбу. Наша обязанность — продолжать защищать их интересы. И если наступят вновь дни мира — мы опять станем преданными друг другу коллегами и в тесном сотрудничестве вновь будем действовать в интересах мира во всем мире, в интересах повышения благосостояния человечества.

Стань эти слова в то время достоянием гласности — и автору их пришлось бы нелегко под потоком обвинений в отсутствии патриотизма, в забвении принципа «сёки хоко» — «служения государству». Но высшие чиновники империи «трех бриллиантов» умели держать язык за зубами. Ни один не проболтался о том, что глава «Мицубиси» не считал возможным в начале войны делать ставку лишь на победу японского оружия. Ни один не разгласил тайны, что в течение всех тех лет, пока шла война, на секретные счета «коллег» из США «Мицубиси» регулярно отчисляла причитавшиеся им дивиденды.

История доказала, что Коята Ивасаки в своей заботе об интересах зарубежных собратьев по бизнесу оказался куда дальновиднее всех тех скороспелых политиков и генералов, которые делали ставку лишь на победу. И потому империя «трех бриллиантов» не только сохранилась, но и упрочила свои позиции и продолжает укреплять их под лозунгом «интернационализации экономики».

По-прежнему имеет свою долю от прибылей «Мицубиси дэнки» американская компания «Вестингауз», по-прежнему половина всех акций «Мицубиси сэкию» принадлежит иностранному капиталу, с той лишь разницей, что канула в предпринимательскую лету первая хозяйка этого пакета — «Ассошиэйтед ойл», канула туда же и вторая хозяйка — «Тайд Уотер», и сегодня пакет акций держит в руках миллиардер Поль Гетти. Но «империю» давно уже не удовлетворяют одни лишь старые связи. И многочисленные отпрыски капитала «Мицубиси» один за другим вступают в династические браки с представителями самых звучных капиталов Запада: с «Монсанто»

и «Катерпиллер», с «Селаниз» и «Шелл», с «Пешине» и «Крайслер»...

В мире бизнеса браков по любви не бывает: чувства капиталам заменяет расчет. И хотя никого сегодня подобным откровением не удивишь, именно в бесчувственности обвинила «Мицубиси» 18 мая 1969 года вся деловая Япония. В тот день в стране узнали не только о тайном браке «Мицубиси» с американской автомобильной монополией «Крайслер», но и о появлении на свет незаконнорожденного «младенца» — автомобилестроительной компании «Мицубиси дзидося».

В том, что союз был тайным, сейчас никто уже не сомневается: под покровом строжайшей секретности переговоры «Мицубиси» с «Крайслером» велись то в Токио, то в Детройте более двух лет. А детище заключенного союза было незаконным, поскольку появление его противоречило проводившейся государством политике защиты японских автомобильных монополий «Тоёта» и «Ниссан» от непрерывных атак со стороны их извечных конкурентов — американских автомобильных гигантов «Форд» и «Дженерал моторс».

Стремясь оградить прибыли «своих» компаний от посягательств со стороны «инородцев», правительство разработало курс на консолидацию сил японской автомобильной промышленности в борьбе против иностранного капитала и неоднократно заявляло, что компаниям США доступ в автомобилестроение Японии будет закрыт. А тут сюрприз: не кто-нибудь, а сама «Мицубиси», поборница «служения государству», не испросив на то благословения властей и даже вопреки государственной политике, вводит в Японию за ручку одного из членов «большой тройки» — «Крайслера». Того самого «Крайслера», который прославился своей прожорливостью, проглотив во Франции местную автомобильную компанию «Симка», а в Англии — такую же корпорацию «Рутс моторс».

Какой шум поднялся в деловом мире Японии! «Десант американских автомобильных гигантов высадился в Японии!» — утверждали дикторы радиовещания. «Национальное автомобилестроение — на грани катастрофы!» — пугали телекомментаторы. ««Мицубиси» предаст национальные интересы, — вещали газеты. — Она преступила завет «сёки хоко»!»

Скандал был бурным, затяжным и... безрезультатным. Империя «трех бриллиантов» еще раз доказала, что государство — это она сама и есть: правительство в конце концов вынуждено было официально оформить брак «Мицубиси» с «Крайслером» и выдать незаконно-рожденному дитятке выправленный по всем правилам сертификат о рождении.

А позже прояснилась и причина, толкнувшая «Мицубиси» и «Крайслер» на международный альянс. Империя «трех бриллиантов», в автомобильной промышленности Японии имевшая позиции весьма и весьма слабые, обзавелась собственной компанией, по масштабам не уступающей «Тоёте» и «Ниссану». Что же касается «Крайслера», то он обошел своих конкурентов — «Форда» и «Дженерал моторс» — в борьбе за японский рынок. В итоге оба союзника получили явные преимущества в борьбе с противниками как японского, так и американского подданства. И сегодня они единым фронтом ведут борьбу с конкурентами уже не только в Японии, но и во всей Юго-Восточной Азии. Да и во многих других странах, не имеющих собственного автомобилестроения.

И это тоже «интернационализация». А как же иначе? Ведь до недавнего времени в той же Юго-Восточной Азии за рынок автомобилей дрались в основном два национальных капитала: японский и американский. А сейчас? Японо-американский капитал, вложенный в компанию «Мицубиси дзидося», ведет борьбу и против американского капитала — против «Форда» и «Дженерал моторс», и против японского — «Тоёты» и «Ниссана». Словом, национальная окраска в схватке за рынки исчезает, зато сама битва отдельных капиталов лишь ожесточается.

«Интернационализация экономики» — веление времени, — разъяснял президент «Мицубиси дзюкогё» Маки-та позиции империи «трех бриллиантов». — Ныне даже в военных вопросах без сотрудничества с другими странами не обойтись. И было бы глупо разжигать националистические чувства в коммерции, размахивая японским флагом».

Но несправедливо отказывать хозяевам «Мицубиси» и в патриотизме. Подчас — и, по странному совпадению, именно тогда, когда этого требуют интересы империи «трех бриллиантов», — он воспаряет до высот поистине поднебесных. К примеру, экономисты «Мицубиси» обна-

ружили, что капиталами «империи» еще не освоено производство раздвижных гаечных ключей. Не то чтобы в Японии вообще не выпускался этот неприхотливый удобный инструмент. Скорее, напротив: около полутора сотен предприятий выпускают гаечные ключи в таком количестве, что их с лихвой хватает и на удовлетворение внутренних потребностей, и на экспорт. Но «Мицубиси» не зарабатывала на ключах ни иены: все полторы сотни предприятий принадлежали капиталистам мелкой и средней руки, с империей «трех бриллиантов» не связанным. Вот и решила «империя» подключиться к производству инструмента.

Едва весть о намерениях «Мицубиси» стала достоянием гласности, среди производителей ключей поднялась паника. Еще бы: ведь как только такой гигант, как «империя», наладит свое производство, каждому второму предпринимателю, десятилетиями зарабатывавшему на гаечных ключах, придется выбывать из игры. Попросту говоря, обанкротиться. Предприниматели возмутились. Подали протест в министерство внешней торговли и промышленности: «Наше существование под угрозой. «Мицубиси» разорит нас, а наших рабочих выставит на улицу!»

Но не успели еще чиновники из министерства разобраться, в чем суть, как «империя» двинула против мелкоты всю мощь своей пропагандистской армии. «Большая пресса» вскипела негодованием: «Разве у нас не свободное общество? Разве не вправе каждый делать то, что ему заблагорассудится? И кто может запретить «Мицубиси» производить какой бы то ни было товар?» А когда вся эта риторика оказалась безрезультатной — в ход пошли аргументы, прямо связанные с «интернационализацией экономики».

Рупор крупного промышленного капитала — газета «Никкан когё симбун» выступила с угрожающей программной статьей, где черным по белому было написано: «Хотелось бы, чтобы предприятия, выпускающие гаечные ключи, подумали над таким фактором: в наше время совсем не исключено, что в Японию вторгнется какая-либо крупнейшая иностранная компания, занимающаяся в той же сфере. «Мицубиси дзюкогё» — компания японская, и с нею в крайнем случае можно договориться. Если же на рынке появится иностранная компания — ни о каких пе-

реговорах не может быть и речи. И тогда уже не помогут никакие протесты».

Жупел «внешней опасности» сработал; под угрозой обвинений в «непонимании национальных интересов» инструментальная мелкота вынуждена была прекратить сопротивление.

Так и течет время. Вчера «Мицубиси» провозглашала лозунг «защиты национальных интересов», сегодня она исповедует веру в «интернационализацию экономики». А завтра? Можете быть уверены: и завтра империя «трех бриллиантов» не ошибется в выборе программы. Да и о какой ошибке может быть речь, если со времен своего появления на свет «Мицубиси» охотно вооружалась любым лозунгом, лишь бы он помогал получать прибыли. Этот принцип «империя» с железной последовательностью проводит в жизнь во всем, на что распространяются ее интересы. И далеко не последнюю роль при этом «Мицубиси» отводит дипломатии.

Дипломатия гроссбуха

Было бы исторической несправедливостью по отношению к империи «трех бриллиантов» утверждать, будто лозунг «интернационализации» взят ею на вооружение лишь в последние годы. Уже в 1874 году, когда суда «Мицубиси» использовались в качестве плавучего моста для переброски японского воинства на покорение Тайваня, Ятаро Ивасаки пришел к выводу: делать деньги на заморских операциях не менее — а подчас и куда более — выгодно, нежели у себя дома, в Японии.

Вывод этот, возвращенный в черепной коробке бизнесмена, с течением времени приобрел силу государственной политики. Последние сомнения в этом исчезли уже шесть десятков лет назад. Точнее: 18 января 1915 года, когда посланник Японии в Китае Хиоки вручил китайскому президенту Юань Ши-каю документ, известный в международной истории как «21 требование».

Нет нужды в громких словах, чтобы понять, что представлял собой этот образчик литературы по жанру империалистической дипломатии. Как расценить безапелляционное требование предоставить Японии исключительные права на полуостров Шаньдун, Южную Маньч-

журию и Внутреннюю Монголию? Как понять запрет на уступку и сдачу в аренду другим странам, кроме самой Японии, любых островов, гаваней и бухт по всему побережью Китая? Как охарактеризовать попытку навязать китайскому правительству в обязательном порядке привлечь на службу японцев в качестве политических, финансовых и военных советников? Что означало притязание на допуск японской полиции к «охране порядка» во всех важнейших населенных пунктах «поднебесной империи»? А требование тратить свыше половины всего военного бюджета Китая на закупку у Японии оружия?..

Все эти вопросы получили оценку сразу же, как только «21 требование» стало достоянием гласности: предъявлением ультиматума Япония притязала на фактическое установление своего господства во всем Китае. В мае того же года правительство Юань Ши-кая капитулировало: японские требования были приняты. С тех пор день 25 мая стал для китайцев «днем национального позора».

«Позвольте,— вправе спросить читатель,— но ведь автор обещал нам поведать об империи «трех бриллиантов»! А взамен преподносит рассказ об одном из эпизодов в истории международных отношений». В оправдание можно сказать лишь одно: история не бесплотный фантом, ее делают люди. В том числе и люди «Мицубиси»: под «21 требованием», врученным президенту Юань Ши-каю, стояла подпись зятя Ятаро Ивасаки — бывшего тогда министром иностранных дел Такааки Като. А утвердил этот ультиматум занимавший в те времена пост премьер-министра Сигэнобу Окума, деятель, вся карьера которого обеспечивалась мощью капиталов «Мицубиси».

Что это — случайное совпадение? Нет. Мы уже имели достаточно возможностей убедиться в том, что интересы империи «трех бриллиантов» и государственные интересы Японии переплелись настолько тесно, что подчас трудно определить, служит ли «Мицубиси» государству, или же государство служит «Мицубиси».

Современность дает новые и новые тому доказательства. Одно из них было предоставлено душным августовским утром 1972 года. В этот день самолет, взлетевший с бетонированного поля столичного аэропорта Японии Ханэда и взявший курс на Гонконг, унес в своем

чреве лидеров империи «трех бриллиантов» — председателя совета директоров банка «Мицубиси гинко» Тадзичу, президента крупнейшей торговой компании капиталистического мира «Мицубиси сёдзи» Фудзино и президента крупнейшей судостроительной компании «Мицубиси дзюкогё» Когу, незадолго до того сменившего на этом посту Макиту. А из Гонконга все трое благополучно переправились в Пекин, где и были приняты на самом высоком уровне, с почестями, каких удостаивают по нынешним временам немногих.

Визит лидеров «Мицубиси» в Пекин был совершенно неожиданным. Трудности со сбытом товаров на внешних рынках, проблема поисков дополнительных сырьевых ресурсов за пределами Японии уже за несколько лет до того вынуждали хозяев других промышленных «империй» Японии с симпатиями поглядывать в сторону материка. «Мицубиси» же, тесно связавшая себя деловыми отношениями с антинародными режимами Чан Кай-ши на Тайване и Пак Чжон Хи в Южной Корее, не спешила менять ориентацию. И потому местные обозреватели, гадая, какая же из монополистических групп первой совершит паломничество в Пекин, называли все знакомые им имена, кроме «Мицубиси». Подобные прогнозы казались тем более обоснованными, что и в окружении Мао слово «Мицубиси» до недавнего времени произносилось лишь в сочетании с крайне нелестными эпитетами. И вдруг первой отправила в Пекин делегатов именно она, империя «трех бриллиантов»!

Но после того, как утих шум сенсации, стали разбираться, что к чему. И тут все стало на свои места.

Вспомнили, что Какуэй Танака, едва заняв пост премьер-министра Японии в начале июля 1972 года, одной из своих наипервейших задач по внешней политике провозгласил восстановление межгосударственных отношений между Японией и Китаем. Вспомнили также, что визит Танаки в Пекин для осуществления его замысла был назначен на конец сентября того же года. И вспомнили еще, что «Мицубиси» и Япония как государство — едва ли не синонимы. А за всеми этими воспоминаниями последовало и признание, сделанное крупнейшей газетой Японии — «Асахи»: «Если бы премьер-министр поехал в Китай, не имея за плечами восстановления дружественных отношений между Китаем и группой «Мицубиси»—

самой крупной и самой мощной из промышленных групп нашей страны, его визит неизбежно оставил бы впечатление, будто восстановление дипломатических отношений с Китаем одобряет далеко не вся Япония».

Яснее вроде бы не скажешь. Но ясность здесь кажущаяся. Потому что если и допустимо ставить на одну доску интересы «Мицубиси» и интересы японского государства, то этого ни в коем случае не следует делать, сопоставляя интересы империи «трех бриллиантов» и интересы 110-миллионного японского народа: между ними нет ничего общего.

Осенью 1974 года КНР отметила четверть века своего существования. Все эти двадцать пять лет прогрессивные силы Японии, отражая всенародные чаяния, выступали за восстановление дипломатических отношений с Китаем, за прекращение политики конфронтации по отношению к КНР, за установление и развитие дружественных добрососедских связей между народами обеих стран. А «Мицубиси»? Двадцать три года из двадцати пяти она делала все возможное, чтобы помешать этому. И было бы верхом наивности полагать, будто лидеры «империи» вдруг прозрели и поняли всю глубину пагубности своего прежнего курса по отношению к Китаю. Просто они просчитали все возможные варианты и пришли к выводу: на данном этапе куда выгоднее изменить отношение к проблеме японо-китайских отношений.

Когда делегация «Мицубиси» отправилась летом 1972 года в Пекин, многие в Японии вспоминали условия, выдвигавшиеся Мао Цзэ-дуном в качестве непременных для установления связей с КНР: во-первых, признать правительство КНР как единственное законное правительство; во-вторых, признать Тайвань неотъемлемой частью Китая; в-третьих, денонсировать японо-тайваньский «мирный договор». Каждое из этих условий, будь оно принято, лишало «империю» прибылей, исчисляемых миллионами долларов. И потому «Мицубиси» в момент отбытия делегации в Пекин представлялась «специалистам по Китаю» наинouvelшим Авраамом, спешащим принести в жертву японо-китайским отношениям единственное свое детище — деньги. И деньги немалые.

Одна только «Мицубиси дзюкогё» ежегодно продает Тайваню своих товаров более чем на полсотни миллионов долларов; там же, на Тайване, империя «трех брил-

лиантов» имеет собственные капиталовложения в различные предприятия общей стоимостью свыше 60 миллионов долларов. По логике «пикейных жилетов», восстановление японо-китайских отношений грозило «Мицубиси» утратой тайваньской кормушки. И потому не на одном побуревшем от прилива чувств носу повисла слеза умиления: «Вот это люди! Какая готовность к самопожертвованию!»

Но почитатели альтруизма остались с носом. «Мицубиси» ничего не потеряла на том самом острове, на завоевание которого давал в свое время свои суда основатель империи «трех бриллиантов» Коята Ивасаки. «Мицубиси» по-прежнему вкладывает свои капиталы в экономику Тайваня, по-прежнему наращивает свои торговые обороты с этим островом. А следовательно, никакой жертвы и не было.

Но, может быть, лидеры «Мицубиси», грубо говоря, провели своих пекинских собеседников, пообещав покончить с политикой «двух Китаев» и не выполнив своего обещания? Да нет, все было честно. От своих притязаний на Тайвань империя «трех бриллиантов» и не собиралась отказываться. И чтобы в Пекине не оставалось на этот счет никаких сомнений, она провела негромкую, но эффективную демонстрацию.

В тот самый день, когда в Пекине принимали трех лидеров «Мицубиси», по редакциям газет, радио- и телевизионных компаний разошлась информационная телеграмма. Пунктом отправления ее был Тайбэй. А в тексте говорилось: «Сегодня на Тайвань прибыл председатель совета директоров «Мицубиси дзюкогё» Фумихико Коно. Он приступил к завершению переговоров о строительстве на Тайване атомной электростанции». Между несколькими строками этой телеграммы можно было прочесть многое. В том числе и скрытое предостережение со стороны «Мицубиси» в адрес Пекина: ни о каких жертвах ни на какие алтари не может быть и речи. И прозрачный намек был понят. Во всяком случае, вернувшиеся из поездки в Пекин лидеры империи «трех бриллиантов» в один голос заявляли, что ничего неприятного им выслушивать в Пекине не пришлось.

Итак, версия «жертвенности» визита отпадает. Что же остается? Расчет. Голый, как король из сказки.

Что надеется получить от восстановления японо-ки-

тайских отношений «Мицубиси»? Много. И прежде всего китайский рынок сбыта и китайские источники сырья.

До недавнего времени в «Мицубиси» с пренебрежением относились к Китаю как торговому партнеру. Апогеем этого пренебрежения явилось заявление, сделанное не далее как в 1971 году председателем совета директоров «Мицубиси дзюкогё» Коно: «Кое-кто считает так: в Китае, дескать, проживает 800 миллионов человек; если даже продать там по полотенцу на душу населения — это же составит целых 800 миллионов полотенец! Но спрашивается: кому нужен рынок, покупательная способность которого не идет дальше полотенец?»

Однако с подобным нигилизмом вскоре пришлось кончать: США — основной рынок сбыта японских товаров — обрушили на Страну восходящего солнца лавину дискриминационных мероприятий, а когда товары с клеймом «Сделано в Японии» попытались найти себе прибежище в Западной Европе, там поднялся дикий шум о «торговом наступлении Японии». Поневоле и полотенца начнешь пересчитывать.

Хозяев «Мицубиси» не обвинишь в ложной скромности: они отлично понимают, что в ассортименте выпускаемой ими продукции едва ли отыщется товар, в приобретении которого Пекин не был бы заинтересован. Другой вопрос — насколько платежеспособна эта заинтересованность. В том, что свободной валюты, необходимой для резкого увеличения закупок продукции «Мицубиси», в Пекине нет, никто не сомневается. Но, дабы не спугнуть едва зародившиеся симпатии империи «трех бриллиантов», приближенные Мао начали завлекать «Мицубиси» в партнеры обещаниями необходимого крупнейшему конгломерату Японии товара — промышленного сырья. И прежде всего нефти.

Сейчас уже трудно сказать, с чьей легкой руки пошла гулять по газетным страницам Японии байка о том, будто на дне морском у берегов Китая — в Бокайском заливе — хранятся гигантские запасы «жидкого золота». Да и так ли уж важно, кто первый сказал «А»? Важно другое: весть эта заставила учащенно биться сердца всех японских дельцов, для кого слово «нефть» не пустой звук и даже не журчанье жидкости, но — мелодичный перезвон чистогана.

Естественно, не могли остаться безразличными к этой вести и лидеры империи «трех бриллиантов»: «Мицубиси» давно уже ищет за границей достойные ее капиталов месторождения. И ищет с энергией, какой может лишь позавидовать любая из промышленных «империй» Японии. Одна только торговая компания «Мицубиси сёдзи» вкладывает десятки и десятки миллионов долларов во многие корпорации, шарящие в поисках нефти по недрам других стран. И шарить приходится за тысячи километров от Японии: на Ближнем и Среднем Востоке и в Индонезии, в Африке и на Аляске... А тут — лишь руку протянуть... Правда, до сих пор точно так и не установлено, есть ли нефть у берегов Китая в достойных «Мицубиси» количествах. Но в «империи» надеются на успех: надежды питают не только юношей.

Словом, просчитав все возможные варианты, лидеры империи «трех бриллиантов» пришли к выводу: операция «китайский вариант» обещает прибыль. А коли так, следовательно, стоит подключаться к большой дипломатической игре. Тем более что, согласно предсказаниям гротесбухов «Мицубиси», в игре этой она может сорвать свой куш, не рискуя чрезмерными затратами. Впрочем, иначе и быть не могло: ведь для монополий дипломатия — лишь одна из многих сфер прибыльного помещения капитала. Не менее важная, чем, к примеру, военный бизнес.

От войны к войне

В своей автобиографии один из лидеров империи «трех бриллиантов», Синъити Такасуги, тот самый, что представлял в 1965 году японское правительство на переговорах с южнокорейским диктатором Пак Чжон Хи, делает признание совершенно недвусмысленное: «Масштабы «Мицубиси» увеличивались от войны к войне. В годы первой мировой войны она получила за счет военного спроса гигантские прибыли. И когда на смену буму военного времени пришел серьезный кризис 1920 года, разрушивший более слабые мелкие дзайбацу, «Мицубиси» не только не понесла никакого ущерба, но, напротив, продолжала развиваться. И в годы второй мировой войны «Мицубиси» осуществляла поставки для удовлетворения гигантского военного спроса и весьма расширила

масштабы своей предпринимательской деятельности... Иными словами, дзайбацу «Мицубиси» совершала взлеты и падения вместе со взлетами и падениями японского государства».

Признание это дается его автору тем более легко, что никаких открытий в нем Такасуги не делает. Специалистами давно уже установлено и никаким сомнениям не подвергается, что без индустриальной мощи «Мицубиси», без ее истребителей «Зеро», без ее линкоров и подводных лодок японской императорской армии никогда не удалось бы вписать в исторические хроники всего, что числится за нею и по сей день.

Но о чем увешанный десятками всевозможных титулов мемуарист предпочитает умалчивать, так это о той четверти века, что прошла со времени последнего «падения». А между тем и в послевоенные годы «Мицубиси» немало поживилась на военном бизнесе. Известно, что после 1945 года Япония ни в каких войнах формально не участвовала. Но разве не показательно, что свой очередной «взлет» империя «трех бриллиантов» начала с поставок продукции для американской армии в годы войны на Корейском полуострове? И разве не поживилась она на буме, возникшем в связи с событиями на другом азиатском полуострове — Индокитайском?

Сегодня в штаб-квартире «Мицубиси» о тех временах уже и не вспоминают. У империи «трех бриллиантов» новые задачи. Задачи куда более грандиозные.

С 1972 года в Японии начато осуществление так называемой «четвертой оборонной программы». Попросту — четвертой программы усиления японской армии. За пять лет действия этой программы на армию предполагается истратить ни много ни мало около 5 триллионов иен. Читателю непосвященному эта цифра мало что скажет: триллионы — вроде бы и многовато, а вот всего пять — это как будто бы и не так уж много. На сомнения подобного рода можно ответить, что и в самой Японии мнения о том, много это или мало, разделились.

Большинство — а имя ему «народ» — заявляет: «Много. Очень много!» Действительно, по сравнению с предшествующей программой — третьей — объем военных расходов в Японии увеличивается почти вдвое. А по сравнению со «второй программой» (1962—1966 годы) — в 4 раза. И дело не только в темпах роста: «четвертая

оборонная программа» предусматривает оснащение японской армии типами оружия, которые при всем желании не отнесешь к «оборонительным».

Но есть и другая точка зрения. Предоставим слово одному из наиболее рьяных ее сторонников. «Государственная мощь Японии достигла уже того уровня, какой мы имеем на сегодняшний день. И правительство должно поставить вопросы обороны нашей страны во главу угла своей политики. Чего можно добиться, выделяя на эти цели всего лишь один процент валового национального продукта (таковы размеры военных расходов Японии в настоящее время.— Ю. Б.)? Столь низкий уровень никак не подобает Японии как великой экономической державе». Эти слова принадлежат одному из ведущих руководителей империи «трех бриллиантов», президенту электротехнической компании «Мицубиси дэнки» Окубо. И президент не ограничивается одним лишь негативным осуждением нынешней политики правительства. У него имеется своя позитивная программа: военные расходы необходимо увеличить до 4 процентов от валового национального продукта!

Озабоченность Окубо проблемами военного престижа Японии объяснить нетрудно. Все дело в том, что из каждых десяти иен, затрачиваемых государством на вооружение, не менее четырех попадает в карман империи «трех бриллиантов». Да, таковы сегодня позиции «Мицубиси» на японском рынке оружия: компании этой группы захватили в свои руки без малого 40 процентов всех военных поставок Японии. 40 процентов! Тут уж, казалось бы, никто не скажет: «Мало». Но в «Мицубиси» считают иначе. И не жалеют сил на расширение своих позиций.

Империя «трех бриллиантов», к примеру, не имела ни опыта, ни возможностей в производстве крупногабаритных реактивных двигателей для военных самолетов. И потому этот «товар» военное ведомство Японии отдало на откуп другой крупной компании — «Исикавадзима-Харима дзюкогё». Увы, конкуренту «Мицубиси» так и не удалось воспользоваться своим преимуществом: оно было отнято у него и передано — кому бы вы думали? Конечно же «Мицубиси»!

Ситуации подобного рода далеко не уникальны. Первоначально, например, производство ракет типа «Хоук»

было решено полностью передать тресту «Хитати». А кончилось тем, что львиную долю заказа уступили «Мицубиси». «Хитати» же пришлось довольствоваться 30 процентами, да и то после нелегкой схватки за свои права первенства. Стремясь сгладить противоречия между конкурентами, авторы «четвертой оборонной программы» решили поделить заказы: «Мицубиси» выделили производство танков, а другой компании — «Комацу» — выпуск броневиков. Империя «трех бриллиантов» выразила недовольство несправедливостью дележа, и в результате «Комацу» лишилась половины заказа на броневики: эту половину ее заставили отдать «Мицубиси».

Но взгляду гиганта все кажется мизерным. И потому господин Кога, занявший в декабре 1971 года пост президента «Мицубиси дзюкогё», считает возможным пожаловаться читающей публике: «Продажи оружия составляют всего 3—4 процента от общего объема сбыта нашей компании. А прибыли от оружия — вдвое, а то и втрое меньше, чем от других товаров. Вот если бы они возросли раз в десять — тогда нас действительно можно было бы называть производителями оружия. Но в сегодняшней Японии это невозможно».

Вы поняли, уважаемый читатель? Не-воз-мож-но! И если наш рассказ невольно вселил в вас убеждение, будто ничего невозможного для «Мицубиси» в Японии нет, немедленно делайте поправку в своих впечатлениях. И вообще удивительно, как это империя «трех бриллиантов» умудряется избежать банкротства на военном бизнесе? Если этого до сих пор не случилось, то лишь благодаря сочувствию, какое встречают трудности «империи» в военном ведомстве Японии.

Получила как-то «Мицубиси» заказ на партию сверхзвуковых тренировочных самолетов для военно-воздушных сил. Когда договаривались с заказчиком о цене — сошлись быстро: сумма в 800 миллионов иен за самолет устроила и «Мицубиси», и армию. А когда дело подошло уже к испытаниям самолета, из империи «трех бриллиантов» вдруг жалоба: «Невыгодно. Прибылей, сами понимаете, никаких, а 800 миллионов — не деньги за такой самолет. Вот миллиарда полтора — это еще куда ни шло». Генералы посочувствовали бизнесменам, «Мицубиси» получила свое.

А годом позже новые трудности: подрядилась «Мицубиси» снабжать армию тяжелыми танками собственной конструкции. Пока велись переговоры, пока проектировали танк, пока изготавливали опытный экземпляр — цена была одна: 130 миллионов иен за штуку. А когда пришло время сдавать товар заказчику — опять возникла проблема невыгодности. И сердобольные генералы вновь проявили чуткость: танки пошли по цене чуть не вдвое более высокой — по 230 миллионов иен. Слово «самый» применительно к «Мицубиси» уже не раз встречалось в нашем повествовании. Злоупотребляя долготерпением читателя, приходится все же воспользоваться им еще раз: танк, созданный «Мицубиси», оказался самым дорогим танком из всех, какие когда-либо выпускались в капиталистическом мире.

Всякий раз, как разворачивается подобного рода эпопея, специалисты из империи «трех бриллиантов», сочувствуя самим себе, скорбно пожимают плечами: «Чего вы хотите? Разве заказ на две-три сотни танков или самолетов может быть эффективным? Мы живем в век массового производства: чем больше масштабы, тем ниже себестоимость. Но при нынешних расходах на оборону много не произведешь. Вот если бы разрешили в другие страны вывозить товар...»

Правда, проблему высоких цен на оружие можно решить не только за счет его продажи за границу: можно покупать его там, где такое оружие стоит дешевле. «Фантомы», которые японская армия не так давно взяла на вооружение, если их покупать в США, обошлись бы японской армии всего по миллиарду иен за штуку. «Фантомы» же японского производства обходятся в 2 с лишним раза дороже. Казалось бы, выгода ввоза иностранной продукции прямая. И потому, когда США предложили японскому правительству увеличить закупки американского оружия, многие считали, что это предложение будет принято. Считали так вплоть до 9 октября 1972 года, когда должно было состояться окончательное решение вопроса. И решение состоялось: закупок оружия не производить.

Нужно ли говорить, что в штаб-квартире «Мицубиси» это решение встретили аплодисментами? Ведь не кто иной, как председатель совета директоров «Мицубиси дзюкогё» Коно, едва о предложении США стало извест-

но, выступил с предостережением: «Нельзя допускать, чтобы импорт американского оружия затормозил развитие отечественного производства военной техники». Да иного и ожидать не приходилось: ведь те самые «Фантомы», что вдвое дороже американских, в Японии производит она, империя «трех бриллиантов». И никому не позволит она посягать на свое право — право втридорога драть со «своего государства».

Государство — это они

...Токио. Мягкий октябрьский вечер 1970 года. К отелю «Окура», подпирающему своим высоким элегантным корпусом срезанный строителями склон невысокого холма, один за другим подползают лимузины — и отъезжают прочь, оставляя у ярко освещенного входа своих пассажиров. Их тут же подхватывает и влечет за собой в лучший банкетный зал столицы гостиничная униформированная челядь. Вот, сгибаясь в три погибели, ведут в зал грузного лысого старика с лицом, густо усыпанным созвездиями родинок, — «премьер-министра» делового мира Японии Тайдзо Исидзаку, почетного президента Федерации экономических организаций. Вот склоняют головы в по-военному четком — слышен даже стук друг о друга сдвигаемых каблучков — приветствии перед нестарым еще, плотным мужчиной со щеточкой редких усов над решительно сжатыми губами: это генеральный секретарь правящей партии Японии Какуэй Танака, который полтора года спустя — летом 1972 года — станет премьер-министром Японии и будет занимать этот пост до декабря 1974 года. Вот появляется министр иностранных дел Киити Аити. Вот семенит, потряхивая густой гривой седых волос, Айтиро Фудзияма, бывший министр внешней торговли и промышленности, бывший министр иностранных дел, бывший претендент на пост премьер-министра, а ныне общепризнанный лидер промаоистской фракции дельцов и политиков...

В пестроцветье звучных титулов знакомых всей Японии лиц и известных за пределами страны фамилий встречавшая гостей челядь не обратила особого внимания на невысокого элегантного мужчину лет сорока: ни в лицо его никто не знал, ни чин, указанный на визитной

карточке,— «заместитель заведующего третьим отделом кредитов банка «Мицубиси»» — не был впечатляющим, ни имя и фамилия — Хироя Ивасаки — ничего не говорили профессионально натренированной памяти гостиничной прислуги. Но банкетный зал, забитый без малого полутора тысячами гостей, встретил его легким шелестом восторженного почтения: в зал вступил подлинный виновник торжества, правнук основателя семьи и дела Ивасаки и нынешний глава основательно разросшейся семьи.

В тот день в отеле «Окура» праздновали столетний юбилей существования империи «трех бриллиантов». Собравшиеся на юбилейный банкет отлично знали, что за событие им предстоит отметить. Тем большее недоумение вызывала у них скромность хозяев: прямо напротив входа в зал, за трибуной с микрофоном, распласталось на высокой стене гигантское — в дюжину квадратных метров — белоснежное полотнище с ярко пылающим в центре шаром восходящего солнца. Эмблема же империи «Мицубиси» — три алых ромба — висела где-то сбоку, значительно уступая государственному флагу Японии своими размерами. Гости одобрительно кивали головами: «До чего же скромны и патриотичны эти сегодняшние хозяева «Мицубиси»!»

Но вскоре один из распорядителей объяснил присутствующим: «Поначалу мы собирались вывесить гигантский флаг «Мицубиси». Но потом отказались от такого плана. Ведь столетие нашей группы — это и столетие Японии. Потому и решили, что правильнее будет на первом месте поместить государственный флаг». Лидеры крупнейшей финансово-монополистической группы Японии по-своему правы: «Мицубиси» немало наследила в истории страны. И если в исторических трудах название империи «трех бриллиантов» встречается не на каждой странице, то между строк на каждой из этих страниц остается достаточно места, чтобы вписать туда слово «Мицубиси».

Возьмите, к примеру, послевоенную экономику Японии. Все сегодня знают, что в экономической сфере Япония до недавнего времени развивалась темпами, каким лишь завидовали другие капиталистические страны. Но немногие знают, что долгие годы в разработке экономической политики Японии принимал участие Такэо Като,

вставший во главе империи «трех бриллиантов» после второй мировой войны: он был назначен высшим экономическим советником кабинета министров. И когда в 1963 году во всех газетах Японии появилось траурное объявление о его смерти, от имени друзей покойного некролог подписал Сигэру Иосида, многие годы возглавлявший японское правительство.

В том же году в Бонне канцлер Аденауэр принимал располневшего седовласого японца. Не мог не принять: визитер из Страны восходящего солнца представил рекомендательное письмо, из которого явствовало, что «податель сего, г-н Макото Усами,— человек, которому в вопросах финансов я доверяю, как своей собственной руке». Под письмом стояла подпись того же бывшего премьерера Сигэру Иосиды.

В то время Усами был лицом сугубо частным: он возглавлял банк «Мицубиси гинко». Но год с небольшим спустя — в декабре 1964 года, когда премьер-министром стал «выпускник школы Иосиды» Эйсаку Сато,— президента банка «Мицубиси» возвели в ранг одного из высших государственных деятелей: ему доверили управление государственным банком Японии. Столь высокое доверие можно было бы списать на счет личных деловых достоинств Усами. Но подобное объяснение отпадает, если припомнить, что примерно в те же годы представитель другой компании из империи «трех бриллиантов» — Канэо Нива, возглавлявший судостроительную компанию «Мицубиси дзосэн», — был назначен председателем государственной комиссии по делам атомно-энергетической промышленности, а один из старейших деятелей «Мицубиси» — Ясудзиро Окано — получил пост председателя комиссии по контролю над деятельностью самого крупного из государственных предприятий — железнодорожной корпорации.

Особых усилий на то, чтобы запоминать все эти имена, тратить не стоит. Суть в том, что на «служение государству» призываются люди «Мицубиси». И люди эти отлично понимают, что на экономическую политику государства они получают возможность влиять не благодаря своим личным достоинствам, а благодаря капиталу с клеймом «три бриллианта». Материальная подоплека повышенной симпатии государства к деятелям империи «трех бриллиантов» очевидна. И потому один из лидеров

«Мицубиси», президент химической корпорации «Мицубиси касэй» Синодзима, на вопрос о причинах назначения Усами президентом «Банка Японии» смог ответить лишь следующим простодушным признанием: «Откровенно говоря, в решении вопроса о том, кому занять пост президента государственного банка решающее слово сказал принадлежавший Усами титул президента банка «Мицубиси гинко». Будь Усами главой банка «Сумитомо» (группа «Сумитомо» — одна из крупнейших финансово-монополистических групп Японии.— Ю. Б.), ему бы президентом «Банка Японии» не стать».

Не оставляет без своего благосклонного внимания империя «трех бриллиантов» и сферу внешней политики. До сих пор состоит советником министерства иностранных дел Японии Кэндзо Савада, бывший посол Японии при ООН: он женат на внучке Ятаро Ивасаки. Заместителем министра иностранных дел Японии вплоть до назначения послом в США был Нобухико Усиба, брат одного из директоров нефтяной компании «Мицубиси сэкию». Неоднократно занимал пост министра иностранных дел Айтиро Фудзияма, крупный капиталист, принадлежащие которому компании составляют один из отрядов империи «трех бриллиантов». А в январе 1965 года вся Япония вдруг узнала, что одно из ответственных внешнеполитических мероприятий послевоенного времени — «нормализация» отношений между Токио и Сеулом — было возложено на плечи Синъити Такасуги. Еще одно имя — ничем не хуже и не лучше других. Единственная особенность его лишь в том, что до принятия дипломатического поручения Такасуги внешней политикой не занимался. Не до того было: на его плечах лежала забота об управлении компанией электротехнического машиностроения. Нужно ли говорить, что и эта компания включала в свое наименование слово «Мицубиси»?

Не чураются лидеры империи «трех бриллиантов» и деятельности куда менее эффективной: в 1973 году Макото Усами из банкиров переквалифицировался в члены комиссии по обеспечению общественной безопасности, направляющей работу полицейских и карательных органов.

Так оно и идет: государство служит «Мицубиси», а «Мицубиси» служит государству. И служат они друг другу весьма ревностно. Да иначе и быть не может. Ведь государство — это она, «Мицубиси», и есть.

Борьба продолжается

Ранним майским утром 1971 года в небольшом парке у Токийского вокзала проходил немногочисленный, но жаркий митинг. Собравшиеся — их было несколько сотен человек — требовали положить конец наращиванию вооруженных сил Японии, призывали к борьбе против ремилиитаризации страны, выступали за необходимость соблюдать конституцию, запретившую Японии иметь собственную армию. А затем участники митинга надели маски — оскаленные черепа с изображением на лбах трех сходящихся в центре ромбов, развернули транспаранты с лозунгом «Похороним торговцев смертью!», и небольшая плотно сбитая колонна двинулась к массивной, из побуревшего от времени кирпича, глыбе концертного зала «Хибия кокайдо».

Демонстранты пришли сюда, чтобы на очередном собрании акционеров «Мицубиси дзюкогё» выразить свой протест против той роли, какую крупнейшая машиностроительная корпорация играет в создании материальной базы современной японской армии.

Но хозяева «Мицубиси» не дремали. О визите сторонников мира они были уведомлены заранее и потому заблаговременно подготовились к встрече. Против демонстрантов были брошены в бой две сотни наемных охранников, членов ультраправых организаций и просто уголовников, которых без особого труда можно было узнать по короткой — под солдатскую — стрижке да по дубинкам в руках. Орава поборников «сильной Японии» обрушилась на группу борцов за мир. С них срывали маски, давили каблуками очки, рвали плакаты, их хватали за волосы, били дубинками, стульями. Били со знанием дела. А пока шло это избиение, президент «Мицубиси дзюкогё» объявил повестку дня исчерпанной, собрание акционеров — закрытым. Демонстрантам так и не дали высказаться.

Но в руководстве империи «трех бриллиантов» вынуждены были призадуматься над широким недовольством, распространившимся в народе в связи с позицией «Мицубиси» в вопросе о вооружении страны. Плоды раздумий не замедлили сказаться. И уже в начале октября того же года на экранах телевизоров началась демонстрация многосерийного фильма «День долгого лета».

В этой ленте рассказывалось о четверти века в жизни простого учителя маленькой начальной школы в одном из захолустных городков Японии. Рассказывалось в пастельных тонах, с искринками то юмора, то грусти. Говорилось о теплоте семейного счастья, о мужской дружбе, о человеколюбии... Нужно ли говорить, что таких слов, как «война» или «оружие», герои фильма ни разу так и не произнесли? И когда вечерами японские семьи собирались перед экраном, чтобы попереживать вместе с героями фильма, посочувствовать их скромным, непритязательным горестям или порадоваться их невзыскательному счастью, в глаза зрителей время от времени попадали пробежавшие в нижней части экрана титры: ««Мицубиси» принадлежит вам, «Мицубиси» принадлежит всему миру». Да, вся эта телеэпопея — от сценария до телевизионного времени — была оплачена комитетом «Мицубиси» по рекламе.

Увлечение киноискусством обошлось империи «трех бриллиантов» в копеечку. С тем большим нетерпением ожидали в штаб-квартире «Мицубиси» очередного собрания акционеров: «Подействовало ли?» Оказалось, не подействовало. И на сей раз повторилась та же ситуация, что и в мае. Лишь крови было куда больше: не веря в одну только силу искусства, хозяева «Мицубиси» на всякий случай снова нанесли охрану из уголовников и ультраправых. И снова демонстрантов жестоко избили.

Но до чего же упорны они, эти люди, которым ненавистна война и кто хочет видеть свою страну мирной. Они по-прежнему говорят «Нет!» любым попыткам навязать Японии возрождение прошлого. Они по-прежнему не верят мягким нашептываниям с экранов: ««Мицубиси» принадлежит вам».

И они по-прежнему не желают служить стартовой площадкой для взлетов и амортизатором для падений империи «трех бриллиантов».

Содержание

«СЛУЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВУ»	3
КАРЬЕРА «МОРСКОГО ЧУДИЩА»	5
ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	9
НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ	14
ИМПЕРИЯ БЕЗ ГРАНИЦ	20
ИЗ-ПОД ПРЕССА ЭКСПЛУАТАЦИИ	22
СКАЗКА XX ВЕКА	26
МОНОПОЛИЯ И ЕЕ ЦЕНЫ	31
БИТВЫ БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ	34
СВОЕ – СВОЕ И ЧУЖОЕ – СВОЕ	38
ДИПЛОМАТИЯ ГРОССБУХА	46
ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ	52
ГОСУДАРСТВО – ЭТО ОНИ	57
БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	61

Бандура Юрий Николаевич
ИМПЕРИЯ «ТРЕХ БРИЛЛИАНТОВ»

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*

Редактор *Л. С. Боярская*

Художник *Г. Ш. Басыров*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Сдано в набор 19 сентября 1975 г. Подписано в печать
19 ноября 1975 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типограф-
ская № 2. Условн. печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 3,33. Тираж
200 тыс. экз. А11302. Заказ 4954. Цена 12 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16,